

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Сандроне ДАЦИЕРИ

УБИТЬ АНГЕЛА

Абсолютно захватывающий, масштабный триллер
высокого напряжения. Читать обязательно!

Марко Джустини. Amazon

Сандроне Дациери Убить Ангела

Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Коломба Каселли», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49593098
Убить Ангела: Азбука; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-389-17810-6

Аннотация

На вокзал Термини прибывает скоростной поезд Милан – Рим, пассажиры расходятся, платформа пустеет, но из вагона класса люкс не выходит никто. Агент полиции Коломба Каселли, знакомая читателю по роману «Убить Отца», обнаруживает в вагоне тела людей, явно скончавшихся от удушья. Напрашивается версия о террористическом акте, которую готово подхватить руководство полиции. Однако Коломба подозревает, что дело вовсе не связано с террористами. Чтобы понять, что случилось, ей придется обратиться к старому другу Данте Торре, единственному человеку, способному узреть истину за нагромождением лжи. Вместе они устанавливают, что нападение на поезд – это лишь эпизод в длинной цепочке загадочных убийств. За всем этим скрывается таинственная женщина,

которая не оставляет следов. Известно лишь ее имя – Гильтине, Ангел смерти, убийственно прекрасный...

Содержание

Часть первая	7
Глава 1. Midnight Special[2]	7
1	11
2	13
3	16
4	19
5	24
6	37
7	49
8	56
Глава 2. Back on the Chain Gang[6]	66
1	69
2	88
3	106
4	117
5	128
6	132
7	137
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Сандроне Дациери

Убить Ангела

Sandrone Dazieri
L'ANGELO

© Л. А. Карцивадзе, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моей матери

*I am an anti-Christ
I am an anarchist
Don't know what I want
But I know how to get it
I wanna destroy passerby*

SEX PISTOLS¹

¹ Куплет из песни британской панк-рок-группы «Секс Пистолс» «Anarchy in the UK» («Анархия в Соединенном Королевстве») (1976). Букв. перевод с англ. яз.: «Я антихрист / Я анархист / Я не знаю, чего хочу / Но знаю, как этого добиться / Я хочу завалить прохожего».

Часть первая

Глава 1. Midnight Special²

Ранее

Двое заключенных, оставшихся в камере, тихо переговариваются. Первый когда-то работал на обувной фабрике. Напившись, он убил человека. Второй служил в полиции и донес на начальника. Оба уснули в тюрьме, а проснулись в Коробке.

Баумачник спит сутки напролет, полицейский почти не смыкает глаз. Если оба не спят, то заводят разговор, чтобы заглушить голоса, которые становятся все громче, а в последнее время совсем не смолкают. Временами перед глазами их полыхают ослепительно-яркие цветные вспышки – сказывается действие лекарств, которыми ежедневно пичкают заключенных, и шлемов, которые надевают им на голову. Под этими шлемами узники извиваются как ужи на раскаленной сковороде.

Во время войны отец баумачника отбывал срок в городской тюрьме. В подвалах была комната, где осужденных заставляли балансировать на доске: одно неосторожное дви-

² «Полуночный спецпоезд» (англ.) – американская народная песня.

жение – и они падали в ледяную воду. Имелся там и каменный мешок, где узник мог поместиться, только сжавшись в комок. Никто не знает, скольких пытали и убили в подземельях этого здания. Говорят, тысячи.

Но Коробка хуже. Из той старой тюрьмы, если повезет, можно было вернуться домой. Вернуться искалеченным, поруганным, но живым. Так случилось с отцом баשמачника.

А в Коробке можно только дожидаться смерти.

Коробка – не дом и не тюрьма. Это бетонный куб без окон. Дневной свет проникает в камеру сквозь решетку над головой. Двор такие, как они, увидят лишь однажды – перед смертью. Если тебя выводят на воздух, значит ты уже слишком болен. Ты напал на охранника или убил сокамерника, начал калечить себя или пожирать собственные экскременты, а может, перестал реагировать на препараты и стал бесполезным.

Полицейский и баשמачник еще не исчерпали своей полезности, но знают, что осталось им недолго. Их волю сломали, они пресмыкались и умоляли о пощаде, но все-таки были раздавлены еще не до конца. И когда появилась Девочка, попытались ее защитить.

Девочке не больше тринадцати лет. С тех пор как ее бросили к ним в камеру с наголо выбритой головой, она не произнесла ни слова. Только глядела на них кобальтовыми глазами, казавшимися огромными.

Она чурается их, держится на расстоянии. Полицейский и баשמачник не знают о ней ничего, кроме достигших коридоров Коробки слухов. Запри узников в жестоком, неприступном застенке, раздели их, закуй в наручники, вырви язык, и они все равно найдут способ общаться – перестукиваясь через стенку посредством азбуки Морзе, перешептываясь в душевых, передавая записки с пищей и в отхожих ведрах.

Кто-то говорит, что она попала в Коробку с семьей, но вся ее родня погибла. Кто-то – что она бродячая цыганка. Какова бы ни была правда, Девочка ее не открывает. Она сидит в углу и недоверчиво следит за каждым их движением, справляет нужду в ведро, принимает положенные пищу и воду, но всегда молчит.

Никто не знает ее имени.

Девочку уводили из камеры трижды. Первые два раза она возвращалась в изорванной одежде и с окровавленными губами. Двое мужчин, считавших, что внутри у них осталась только пустота, плакали от жалости. Мыли ее, заставляли поесть.

На третий раз полицейский и баשמачник поняли, что больше ее не увидят. Когда охранники приходят, чтобы вывести тебя во двор, меняется даже звук их шагов. Они вежливы и спокойны – лишь бы ты не волновался. Тебя уводят наверх, приказав захватить жестяную миску и пропахшее хлоркой одеяло. Эти вещи достанутся следующему заклю-

ценному.

Когда дверь открылась, они вскочили, чтобы за нее вступить, и Девочка будто впервые заметила двух мужчин, с которыми делила камеру почти целый месяц. Покачив головой, она медленным шагом последовала за конвойными.

Баимачник и полицейский дожидались грохота грузовика, увозящего со двора изувеченные трупы: в последний путь узников благословляет мясницкий топор. Как рассказал им заключенный из погребальной команды, это короткое путешествие кончается на заснеженной пустоши сразу за стенами Коробки. По его словам, там зарыто не меньше сотни трупов без лиц и кистей рук: даже если братскую могилу найдут, Коробка не желает, чтобы кого-то из них опознали. Позже могильщик проткнул себе уши гвоздем, пытаясь заставить голоса замолчать. Теперь и он отправился в последний путь.

Прошло двадцать минут, но полицейский и баимачник так и не услышали скрежета старого дизельного двигателя. Помимо голосов в их головах и криков из соседних камер, в бетонном кубе стояла тишина.

Но вот кто-то рывком открывает дверь. Это не охранник и не один из врачей, которые регулярно их посещают.

Это Девочка.

Пижама залита кровью, на лбу красные брызги. Девочка словно и не замечает. В руке у нее тяжелая связка ключей, принадлежавших конвойным. Ключи тоже в крови.

– Пора идти, – говорит она, и воздух разрывает вой сирены.

1

Смерть прибыла в Рим за десять минут до полуночи скоростным поездом из Милана. Остановившись на седьмой платформе вокзала Термини, состав вывалил на перрон полсотни усталых пассажиров, почти не обремененных багажом. Их тут же умчали последняя электричка метро и дожидавшиеся такси. В поезде погас свет. Из вагона люкс почему-то никто не вышел – пневматические двери остались закрытыми. Сонный кондуктор разблокировал их снаружи и поднялся, чтобы убедиться, что в вагоне не задержался какой-нибудь задремавший пассажир.

Добросовестность сослужила ему дурную службу.

Через двадцать минут его исчезновение заметил агент железнодорожной полиции, дожидавшийся кондуктора, чтобы выпить пивка после смены. Большими друзьями они не были, но постоянно встречались на вокзале и со временем выяснили, что у них немало общего: оба обожали широкобедрых дамочек и болели за одну футбольную команду. Агент поднялся на борт и обнаружил, что его собутыльник свернулся на полу тамбура, слепо глядя перед собой распахнутыми глазами. Руками он сжимал горло, словно пытаясь себя задушить.

На резиновом коврикe собралась в лужу вытекшая у него изo рта кровь. Агент подумал, что таких мертвых покойников еще не видел, и все-таки прикоснулся к шее мужчины, заранее зная, что не нащупает пульса.

«Видать, инфаркт», – подумал он.

Агент мог и продолжить обход поезда, но во избежание бюрократической волокиты предпочел не выходить за рамки своих полномочий и, сразу же спустившись на перрон, связался с диспетчерской службой, чтобы прислали кого-нибудь из криминальной полиции и известили дежурного магистрата. Самого вагона он так и не увидел. Протянув руку и открыв раздвижную дверь с матовым стеклом, он изменил бы и свою судьбу, и судьбы тех, кому предстояло войти в поезд после него, но ему это и в голову не пришло.

Обязанность осмотреть поезд легла на плечи замначальника третьего отдела мобильного спецподразделения, который все, кроме полицейских, называли убойным. Эту должность занимала женщина, вернувшаяся на службу после долгого отпуска по состоянию здоровья и череды невзгод, которые несколько месяцев обсуждались во всех ток-шоу. Звали ее Колумба Каселли, и впоследствии нашлись люди, посчитавшие ее приезд счастливым случаем.

Ее мнение на этот счет было диаметрально противоположным.

Коломба приехала на станцию Термини без четверти час на служебном автомобиле, за рулем которого сидел старший агент Массимо Альберти. Веснушчатому и светловолосому Альберти уже исполнилось двадцать семь лет, и не приходилось сомневаться, что его лицо останется мальчишеским и в старости.

Самой Коломбе было тридцать три, но ее зеленые глаза, оттенок которых менялся вместе с настроением, напоминали глаза человека на несколько лет старше. Ее черные волосы были собраны в строгий пучок, что подчеркивало твердые восточные скулы, унаследованные от неведомого далекого предка. Выйдя из машины, она направилась к платформе, где стоял прибывший из Милана поезд. Рядом курили четверо молоденьких агентов железнодорожной полиции: двое сидели в нелепом двухместном электромобиле, из тех, на которых полицейские передвигаются по станции, а еще двое стояли у буфера. Невдалеке щелкали камерами мобильников несколько зевак и вполголоса переговаривались уборщики и санитары «скорой помощи».

Коломба показала удостоверение и представилась. Узнав ее по фотографиям в газетах, один из агентов растянул губы в обычной дурацкой улыбке. Она притворилась, что не заметила.

– Какой вагон? – спросила она.

– Первый, – ответил тот, что был старшим по званию.

Остальные теснились за его спиной, как за щитом.

Коломба взгляделась в окна, но в поезде было слишком темно.

– Кто из вас был внутри?

Агенты смущенно переглянулись.

– Наш сослуживец, но он уже сменился, – сказал тот же юнец.

– Он ничего там не трогал, просто посмотрел. А мы только заглянули внутрь с перрона, – добавил один из его приятелей.

Коломба раздраженно покачала головой. Труп предвещал бессонную ночь: придется дожидаться, пока закончат работу магистрат и судмедэксперт, а потом составить уйму бумаг и отчетов. Неудивительно, что агент удрал. Конечно, можно было бы пожаловаться его начальству, но она тоже не любила попусту терять время.

– Вы знаете, кто это? – спросила она, надевая латексные перчатки и голубые бахилы.

– Джованни Морган из поездной бригады, – сказал старший по званию.

– Родственникам уже сообщили?

Агенты снова переглянулись.

– Ладно, проехали. – Коломба помахала Альберти. – Приноси из машины фонарик.

Альберти ушел и вернулся с черным металлическим фонариком полуметровой длины, который при необходимости вполне мог заменить дубинку.

– Мне подняться в вагон с вами?

– Нет, жди здесь и отгоняй зевак.

Коломба по рации сообщила в участок, что начинает осмотр, после чего, как и ее предшественник, безуспешно искала пульс на шее кондуктора: кожа покойника была липкой и холодной. Пока она уточняла у диспетчера, когда приедут судмедэксперт и дежурный магистрат, ее внимание привлекло странное, чуть слышное жужжание. Коломба задержала дыхание и прислушалась. Звук представлял собой какофонию трелей и вибраций – с полдюжины мобильных телефонов звонили одновременно. Шум исходил из вагона люкс, где кресла были обиты натуральной кожей, а расфасованные блюда приготовлены по рецептам модного шеф-повара.

Сквозь матовое стекло дверей просвечивали пульсирующие зеленоватые отсветы телефонных экранов. Поверить, что пассажиры забыли все эти девайсы, было невозможно, а единственное объяснение, пришедшее ей на ум, казалось чудовищным до неправдоподобия.

И все-таки она не ошиблась. Стоило Коломбе взломать раздвижную дверь, в нос ей ударила вонь крови и экскрементов.

Все пассажиры вагона люкс были мертвы.

Луч ее фонарика выхватил из сумрака тело пассажира лет шестидесяти. Руки лежащего на полу мужчины в сером костюме были зажаты между бедер, голова запрокинута. Хлынувшая горлом кровь плотной маской покрывала его лицо.

«Какого хрена здесь произошло?» – подумала Коломба.

Стараясь ни на что не наступить, она медленно двинулась вперед. Поперек прохода лежал молодой человек в расстегнутой рубашке и мокрых от экскрементов брюках-дудочках. Подкатившийся к его лицу стеклянный стакан был перепачкан натекшей из носа кровью.

В кресле слева от Коломбы сидел старик. Наконечник трости воткнулся ему в рот, пригвоздив к спинке сиденья. Выпавшая вставная челюсть покоилась на покрытых засохшей кровью и рвотой коленях. Азиат в форме сотрудника вагона-ресторана повалился на тележку с едой, а его коллега – на колени женщины в костюме и на двенадцатисантиметровых шпильках. Как и они, женщина была мертва.

Легкие Коломбы начали сжиматься, и она сделала глубокий вдох. Принюхавшись к вони, она ощутила странное, неопределенно-сладковатое послевкусие, напомнившее ей о детстве: мать регулярно пыталась освоить выпечку, но все ее торты пригорали в духовке.

Коломба добралась до противоположного конца вагона.

На полу распластался в позе Супермена пассажир лет сорока – правая, сжатая в кулак рука вытянута вперед, левая прижата к телу. Переступив через труп, она заглянула в туалет, где, переплетясь ногами, лежали какая-то женщина и уборщик в оранжевой спецовке. При падении женщина расшибла затылок о раковину, и к бортику прилип окровавленный клочок волос.

Рация снова запищала.

– Ваш водитель просит разрешения подняться в вагон, – прокаркала диспетчерская.

– Ответ отрицательный, я свяжусь с ним напрямую, отбой, – почти нормальным голосом отозвалась Коломба и, достав мобильник, позвонила Альберти: – В чем дело?

– Госпожа Каселли... Тут у нас встречающие... Говорят, ждали пассажиров, которые должны были приехать этим поездом.

– погоди. – Коломба отодвинула дверь и оглядела следующий вагон первого класса – никого. Пусто оказалось и в других вагонах. На всякий случай она обошла весь поезд и вернулась назад. – Они ехали в вагоне люкс?

– Да, госпожа Каселли.

– Если ты рядом со встречающими, отойди подальше, чтобы тебя не услышали.

Альберти послушно отошел к локомотиву:

– Что случилось?

– Все пассажиры первого вагона мертвы.

– Вот дерьмо... Как они погибли?

У Коломбы зашло сердце. До сих пор она двигалась как в трансе и только теперь осознала, что, за исключением пронзенного тростью старика, на телах несчастных отсутствовали видимые повреждения.

«Надо было сбежать, как только я увидела кондуктора».

Но вероятно, и тогда уже было слишком поздно.

– Госпожа Каселли... Вы меня слышите? – спросил встревоженный ее молчанием Альберти.

Коломба встряхнулась:

– Не знаю, что их убило, но, похоже, они что-то съели или вдохнули.

– Господи Иисусе... – в ужасе прошептал Альберти.

– Сохраняй спокойствие, потому что у меня для тебя важное поручение: не подпускай никого к составу до приезда команды биозащиты. Даже криминалистов и магистрата. Если кто-то попытается приблизиться, арестуй его, пристрели, но не позволяй войти в поезд. – По спине Коломбы побежал ледяной пот.

«Если это сибирская язва, мне крышка, – подумала она. – Если нервно-паралитический газ, то, может, шанс еще есть».

– И второе. Найди агента, который входил в поезд. Возьми адрес у его сослуживцев. Его необходимо изолировать. Остальных также задержи, особенно если они пожимали ему руку, затягивались одной сигаретой и все такое. То же касается встречающих родственников. Если они вступали с вами

в физический контакт, не отпускай их.

– Сказать им правду?

– Даже не думай. Сообщи в диспетчерскую, чтобы нашли всех, кто работал в поездной бригаде и общался с пассажирами. Но сначала пусть пришлют команду биозащиты. С диспетчерской свяжись по телефону. Рацию не используй, иначе начнется паника. Я ясно выразилась?

– А как же вы, госпожа Каселли?

– Я сглупила. Не надо было входить в поезд. Возможно, яд еще активен, и я могу стать переносчицей заразы. Я не могу выйти, иначе рискую заразить кого-то еще. Все понял?

– Да, – охрипшим голосом сказал Альберти.

Коломба дала отбой, вернулась в коридор и, дернув за аварийный рычаг, закрыла дверь в вагон. Затем она села в первое попавшееся кресло в вагоне первого класса, который по сравнению с люксом походил на нищенский барак, и принялась ждать, пока ей не сообщат, есть ли у нее надежда выжить.

4

Оперативники из команды биозащиты в противогазах и комбинезонах из тайвека активировали чрезвычайный протокол. Оцепив платформу ограждающей лентой, они накрыли поезд полотнищами из непроницаемого пластика и соорудили небольшую шлюзовую камеру на входе в первый ва-

гон.

Внутри, сосредоточенно наблюдая за собственным самочувствием и выискивая симптомы заражения, дожидалась Коломба. Лимфоузлы как будто не воспалились, потливость не усилилась, и ее не бил озноб, но она понятия не имела, как скоро начинает действовать предполагаемый вирус или яд. Через два часа паранойи, когда вонь и духота уже стали невыносимыми, в поезд вошли двое солдат в костюмах химзащиты. Первый нес в руках еще один защитный костюм, а второй навел на нее автомат.

– Руки за голову, – глухо приказал он через противогаз. Коломба повиновалась.

– Я замначальника мобильного подразделения Каселли, – представилась она. – Это я подняла тревогу.

– Не двигайтесь, – сказал военный с автоматом, пока его товарищ обыскивал ее уверенными, несмотря на плотные перчатки, движениями.

Положив ее табельный пистолет и складной нож в пластиковый пакет с герметичной застежкой, он передал его третьему солдату, оставшемуся на подножке. Тот в свою очередь протянул ему пакет побольше, который он отдал Коломбе.

– Разденьтесь и положите одежду в пакет, – велел он. – Затем наденьте защитный костюм.

– При вас? – переспросила Коломба. – Нет.

– В случае неподчинения мы уполномочены стрелять. Не вынуждайте нас применять насилие.

На мгновение закрыв глаза, Коломба подумала, что бывают вещи и похуже публичного стриптиза. Например, можно умереть, захлебнувшись кровавой рвотой, или схлопотать пулю в затылок. Она ткнула пальцем в камеру, встроенную в шлем солдата с автоматом.

– Будь по-твоему. Только выключи эту штуку. Может, я и умру, но не хочу, чтобы ролики с моей обнаженкой разошлись по Интернету.

Солдат прикрыл объектив ладонью.

– Поторапливайтесь.

Чувствуя на себе мужские взгляды, Коломба быстро разделась. Из-за мускулистых бедер и плеч в одежде она казалась крупнее, но стоило ей обнажиться, взору открывалась стройная, атлетическая фигура женщины, которая всю жизнь поддерживала хорошую физическую форму. Она натянула тяжелый костюм химзащиты, и солдаты помогли ей надеть противогаз.

Коломба была опытной аквалангисткой, но из-за маски и отдающегося в ушах дыхания сразу же ощутила удушье. Легкие опять слегка сжались, но, как и в прошлый раз, спазм миновал молниеносно, словно призрак. Солдаты вытолкнули ее на перрон и провели через кордон, оцепивший упакованный, будто произведение Христо³, поезд.

³ Христо Явашев (р. 1935) – американский скульптор и художник, прославившийся вместе со своей женой Жанной-Клод де Гийебон работами, в которых «упаковывал» различные объекты.

Вокруг творилось светопреставление.

Было четыре утра, и на залитой огнями военных прожекторов станции находились исключительно солдаты, карабинеры, полицейские, пожарные и агенты в штатском. Не слышались ни шум прибывающих и уходящих поездов, ни треск громкоговорителя, ни болтовня треплющихся по мобильникам пассажиров. Тишину нарушали только тяжелый топот военных ботинок, гулко отдающийся от свода крыши, покрякивание офицеров и сирены патрульных машин.

Солдаты подвели Коломбу к стоящему прямо перед билетными кассами трейлеру передвижной лаборатории. Военный врач взял у нее кровь и биологические жидкости, вводя шприцы через резиновую заплату на рукаве, а затем сделал укол, от которого к ее горлу подкатила желчь.

Никто не говорил Коломбе ни слова, не отвечал на вопросы и не реагировал даже на ее самые элементарные просьбы. Через полчаса молчания она взорвалась и приперла врача к стене трейлера:

– Я хочу знать, что со мной, ясно?! Я хочу знать, что я вдохнула! – Взгляд ее был твердым, как нефрит.

Двое солдат швырнули Коломбу на пол и заломили ей руки за спину.

– Мне нужны ответы! – снова закричала она. – Я вам не арестантка, а сотрудница полиции, вашу мать!

Врач неловко поднялся на ноги. Под капюшоном с него съехали очки.

– Вы в полном порядке, – пробормотал он. – Мы как раз собирались вас отпустить.

– А раньше вы сказать не могли? – Солдаты отпустили ее, и она встала, нарочно ткнув одного из них локтем в живот. – Как дела у моих коллег?

Врач попытался водрузить очки обратно на нос, не снимая перчаток, и чуть не выколол себе глаз дужкой.

– Они тоже в порядке. Уверяю вас.

Коломба сняла шлем. Господи, какое счастье дышать свежим, не провонявшим потом воздухом! Пять минут спустя ей вернули одежду, и она снова почувствовала себя человеческим существом, а не куском мяса на прилавке. Голова раскальвалась, но она была жива, в чем еще пару часов назад не могла бы поручиться. Проектора повывключали, но на станции по-прежнему царил неправдоподобная атмосфера военной оккупации. Возле поезда ровным рядом лежали трупы в герметичных пластиковых мешках. Несколько тел не хватало – их унесли на экспертизу в передвижную лабораторию.

Полковник полиции Марко Сантини отошел от кучки агентов, стоящих у перехода в метро, и, подволакивая левую ногу, направился к ней. Высокий мужчина с орлиным профилем и жесткими, как стальная проволока, усами был одет в плащ с прорезами и плоскую ирландскую кепку, в которой походил на пенсионера. Однако стоило получше приглядеться к его лицу, как становилось понятно: перед то-

бой опасный сукин сын.

– Как себя чувствуем, Каселли?

– Говорят, хорошо, но сама я в этом изрядно сомневаюсь.

– Мне кое-что для тебя передали. – Сантини вручил Коломбе сумку с конфискованным у нее оружием. – Не знал, что ты разгуливаешь со складным ножом.

– Это мой талисман, – сказала она, убирая нож в карман куртки. – Оберег от назойливых засранцев. Куда эффективнее четырехлистника.

– Не похоже на табельное оружие.

– Ты что-то имеешь против?

– Нет, пока ты не попытаешься пырнуть меня в спину.

Коломба пристегнула кобуру «беретты» к ремню. В более спокойных обстоятельствах она носила пистолет за спиной, где он не так бросался в глаза, но летом причинял немалые неудобства.

– Есть шансы, что это просто несчастный случай? Например, химическая утечка?

– Нет. – Сантини посмотрел на нее. – Ответственность за теракт уже взяла на себя ИГИЛ.

5

По всей вероятности, видео было снято на мобильный телефон. В фокусе камеры появились двое мужчин среднего телосложения в джинсах, темных футболках, черных бала-

клавах и солнцезащитных очках. Судя по смуглым рукам, уроженцы Ближнего Востока. Молодые, моложе тридцати. На видимых участках кожи – ни шрамов, ни татуировок.

Помещение за их спинами занавешивала простыня.

Мужчины по очереди вознесли благодарственную молитву своему Господу и присягнули в верности халифу Абу Бакру аль-Багдади – иракскому лидеру ИГИЛ. Оба говорили по-итальянски, сверяясь с бумажкой и время от времени поглядывая в объектив.

– Мы солдаты «Исламского государства», – сказал левый. – Это мы нанесли удар по поезду, куда нет ходу нашим братьям-иммигрантам. В таких поездах разъезжают богачи, финансирующие войну против истинной религии.

Затем заговорил правый. Голос у него был глубже, а произношение – типично римское.

– Мы никогда не перестанем сражаться с вами. Вам не спастись ни в командировках, ни в турпоездках, ни в своих постелях. По закону шариата наши действия совершенно оправданны. Вы угнетаете правоверных, заключаете их в тюрьмы, забрасываете бомбами. Мы же ударим по вам.

Левый:

– С благословения Аллаха мы завоюем Рим, сломаем ваши кресты и превратим в рабынь ваших женщин. Вам не укрыться от нас даже в собственных спальнях.

– Мы закрываем лица, потому что намерены бороться с вами, пока не умрем мученической смертью, – заключил

правый.

Когда видео закончилось, наступила гробовая тишина. Ролик проигрывался на жидкокристаллическом экране клуба постоянных пассажиров на вокзале Термини, который охранялся карабинерами в масках из группы специального назначения, вооруженных автоматами. Среди изогнутых клубных диванчиков толпилось с полсотни высокопоставленных чиновников из различных полицейских и военных подразделений. Когда снова включили свет, все заговорили наперебой, и генерал карабинеров, председательствующий на совещании, был вынужден призвать к тишине.

– По одному, пожалуйста.

– Вы полагаете, что они действуют вдвоем или являются представителями более крупного формирования? – спросил один из полицейских чиновников.

– В настоящий момент ничего нельзя сказать с уверенностью, – ответил генерал. – Как вам известно, сейчас каждый второй буйнопомешанный объявляет себя воином халифата. Однако без высокого уровня подготовки и доступа к редким химическим веществам осуществить подобный террористический акт было бы невозможно. Следовательно, нельзя исключать связь с кадрами ИГИЛ.

Коломба, до сих пор стоявшая поодаль, прислонившись к одной из стеклянных стен, подняла руку:

– Находились ли в поезде лица стратегического значения?

Присутствующие начали перешептываться, разглядывая

Коломбу, но генерал и бровью не повел:

– Насколько мы знаем, нет. Но расследование только началось. – Он обвел взглядом собравшихся. – Кризисная группа Министерства внутренних дел уже совещается с министром и премьер-министром. Довожу до вашего сведения, что уровень террористической угрозы повышен до «Альфа-один», что, позвольте напомнить, означает возможность новых терактов. Мобилизованы все правоохранительные структуры. Рим объявлен зоной, запретной для полетов, воздушное сообщение временно приостановлено по всей стране. Станция Термини закрыта до новых распоряжений, а метро не откроется, пока не закончат проверку саперы.

На минуту в зале замолчали. Все пытались переварить чудовищность сложившегося положения: Италия превратилась в зону военных действий.

– Какие вещества использовали террористы? – наконец спросил тот же полицейский чиновник.

Генерал кивнул женщине в темном костюме. Это была Роберта Бартоне из миланской лаборатории судебной экспертизы – для друзей просто Барт. Коломба знала, что в своем деле Роберте нет равных, но никак не ожидала встретить ее здесь.

– Доктор Бартоне из лаборатории ЛАБАНОФ возглавляет группу судмедэкспертов, проводящих аутопсию жертв, – сказал генерал. – Прошу вас, доктор Бартоне.

Барт встала за прилавок, заменяющий кафедру, и подклю-

чила ноутбук к жидкокристаллическому экрану.

– Предупреждаю, изображения довольно отталкивающие. – Она нажала на пробел. На экране появилась фотография баллона спрея, завернутого в упаковочную бумагу. От насадки отходили два провода, подключенные к таймеру на батарейках.

Началась сутолока. Каждый пытался занять место с лучшим обзором; кто-то в задних рядах возмутился, что ничего не видит.

– Этот литровый баллон, – пояснила Барт, – нашли при обыске саперы. Он был подключен к вентиляционной системе. – На экране показался снимок открытой панели в стене поезда: за ней проходила электропроводка и резиновые трубки. – В двадцать три тридцать пять электромагнитный клапан открылся, и содержащийся в баллоне газ попал в вагон люкс. Клапан был подключен к «Нокии-105» французского производства. Это был одноразовый мобильник, на который, по всей вероятности, поступил звонок с другого одноразового телефона. К расследованию уже подключилась почтовая полиция⁴.

Барт нажала на клавишу. Взглядам предстала фотография

⁴ *Почтовая полиция* – полиция почтовых и иных сообщений (Servizio Polizia Postale e delle Comunicazioni); пресекает использование коммуникационных сетей и технологий в целях совершения преступлений; ведет борьбу с детской порнографией в Интернете, нарушениями авторских прав и торговли в Сети, борется с компьютерным пиратством, телефонным мошенничеством, нарушениями в сфере почтовых отправок.

вагона, снятого с порога двери, в которую входила и Коломба. Были ясно видны первые трупы. Барт снова защелкала по клавиатуре, и по экрану побежали изображения тел погибших. В зале раздался ропот.

– Почти тотчас же после вдыхания газ вызвал у пассажиров судороги, внутренние кровоизлияния и расслабление сфинктеров.

Еще один щелчок по клавише. Старик с тростью.

– Несмотря на то что смерть выглядит насильственной, мужчина сам напоролся на трость во время предсмертных конвульсий. Исходя из внешнего вида тел и скорости наступления смерти, команда биозащиты выдвинула версию о том, что использовался нервно-паралитический газ – «Ви-Икс»⁵ или, быть может, зарин. Поэтому были приняты меры по полному карантину территории. Однако, прибыв на место, я уже при предварительном осмотре тел заметила лиловые пятна гипостаза.

Щёлк. Розоватое пятно на обнаженной спине трупа, лежащего на секционном столе.

– Я также заметила блеск крови.

Щёлк. Пятно крови на одном из кресел.

Один из полицейских торопливо вышел через автоматические двери, прикрывая рот ладонью.

– Это навело меня на мысль, что злоумышленники ис-

⁵ «Ви-Икс» (от *англ.* VX) – фосфорорганическое боевое отравляющее вещество нервно-паралитического действия.

пользовали не нервно-паралитический газ, а иное, в некотором роде более *классическое* вещество. При дальнейшем исследовании образцов гипотеза подтвердилась. – Барт помолчала. – Цианид, – наконец дрогнувшим голосом произнесла она.

Щёлк. Схема строения молекулы.

– Синильная кислота в газообразном состоянии, – уже тверже продолжила Бартоне. – Как многие из вас знают, цианиды вступают во взаимодействие с железом в клетках, блокируя дыхательную цепь. Жертвы погибают в судорогах, поскольку эритроциты перестают переносить к тканям кислород. Они продолжают дышать и тем не менее задыхаются. Кровь становится ярче из-за насыщенности кислородом.

Щёлк. Одно из окон вагона люкс.

– Газ рассеялся через дверь вагона и щели в окнах, чему способствовали движение поезда и падение давления во время прохождения через тоннели.

Щёлк. Мертвый проводник.

– Увы, когда кондуктор открыл двери, концентрация газа была еще чрезвычайно токсичной, и доза, которую он вдохнул, оказалась смертельной. К счастью, затем цианид еще больше рассеялся в воздухе, однако агент Польфер, вошедший в поезд после кондуктора, вдохнул достаточно, чтобы у него начались респираторные проблемы, а по дороге домой он потерял сознание. Ему немедленно оказали медицинскую помощь, и сейчас он вне опасности.

В зале снова зашумели. Барт прервалась, и генерал карабинеров опять потребовал тишины. Коломба подумала, что бездельника-агента настигла мгновенная карма.

– Как бы там ни было, – продолжила Барт, – всем, кто входил в вагон или вступал в контакт с телами погибших, ввели профилактическую дозу гидроксокобаламина. По нашим прогнозам, никаких проблем серьезней легкой тошноты и головной боли у них не будет.

– Почему газ попал только в первый вагон? – изучив фотографии, спросил генерал.

– Потому что нам повезло.

Щёлк. Грубый набросок вентиляционной системы. Схема выглядела так, словно нарисована от руки, и, по всей вероятности, так и было.

– Видите красный круг? Здесь находится обменник, который распределяет потоки воздуха, поступающего в вагон люкс и остальные вагоны. – Барт указала ручкой на кружок поменьше. – Баллон был подключен сюда – пятью сантиметрами ниже вентиляционного узла. Если бы террористы подключили баллон выше воздухообменника, газ попал бы во все помещения поезда, включая кабину машиниста, и жертв было бы в десятки раз больше.

Последовали новые вопросы, но у Коломбы так трещала голова, что ей пришлось выйти из зала на свежий воздух.

Уже через несколько секунд к ней, закуривая на ходу, подошел начальник мобильного подразделения Маурицио

Курчо. Прошло семь месяцев с тех пор, как Коломба вернулась на службу, и все это время они поддерживали самые теплые отношения.

– Все хорошо? – спросил он.

Не так давно Курчо сбрил усы, и Коломба никак не могла привыкнуть к ироническому, почти ехидному выражению, которое придавала его лицу изогнутая верхняя губа.

– Просто немножко отупела. Есть шансы установить происхождение цианида?

– По мнению доктора Бартоне, это будет нелегко. Цианид не промышленный. Он изготовлен на дому из какой-то вишни, что растет везде и всюду.

– Лавровишня, – сказала Коломба. Такая вишня росла у нее в саду, когда она работала в Палермо, и была единственным растением, которое ей удалось не угробить. – Значит, у ИГИЛ есть лаборатория в Италии.

– Или целый арсенал. А вероятно, и то и другое, причем, возможно, не в единственном числе. Правда в том, что мы ни черта не знаем. – Он бросил окурочек в переполненное мусорное ведро. – Рано или поздно это должно было случиться.

– Могло быть и хуже.

– Но мы не знаем, что задумали эти сукины дети. Необходимо найти их, прежде чем они еще что-то натворят. Поезжайте домой, отдохните. Вы выглядите так, словно вот-вот свалитесь без чувств.

– Думаю, сейчас не самое подходящее время для отдыха.

– Хотя бы примите душ, Коломба. Простите за прямоту, но от вас воняет, как в раздевалке.

Она покраснела:

– Увидимся в участке.

Наскоро попрощавшись и обнявшись с Барт, которая укорила ее, что она никогда не звонит, Коломба велела одному из агентов отвезти ее домой. Всю дорогу, пока полицейский предпенсионного возраста высказывал опасения, что грянет третья мировая, она не отводила взгляд от окна, за которым пролетал смазанный город. Стоило прикрыть веки, и перед ее глазами снова появлялись искаженные лица отравленных пассажиров. Запах дезинфицирующего средства, исходящий от ее одежды, сменялся стоящим в вагоне зловонием крови и дерьма. А потом давним смрадом обгоревших трупов, разорванных взрывом С-4 в парижском ресторане, где чуть не лишилась жизни и она сама. Тот день она называла только Катастрофой.

Коломба снова видела, как ударная волна настигает пожилую женщину, ее разлетающиеся кости вонзаются в соседней по столику, а в разбитое окно вылетает горящее тело молодого человека, который вместе с женой отмечал годовщину свадьбы. В какой-то момент Коломба задремала, а когда проснулась, в ушах еще звенел собственный крик. В горле неприятно першило, как бывает, когда перенапряжешь голос. Похоже, она и правда кричала во сне, потому что водитель немного испуганно косился на нее краем глаза.

Она вошла в дом, перед глазами все плыло. Ее двухкомнатная квартира, обставленная мебелью из «ИКЕА» и с блошиных рынков, находилась в старом палаццо на набережной Лунготевере, недалеко от Ватикана. Хотя Коломба жила здесь уже четвертый год, берлога до сих пор выглядела безликой и необжитой. Единственным уютным уголком было обитое красной кожей кресло в гостиной, окруженное стопками потрепанных книг, которые она мешками закупала на книжных развалах, чередуя классику в мягких обложках с бульварными романами забытых писателей. Коломбе нравились разнообразие и неожиданные сюжетные повороты, а книги стоили так дешево, что любое чтиво, показавшееся ей скучным, она могла без зазрения совести выбросить, прочтя всего несколько страниц. В настоящий момент она медленно продиралась сквозь «Милого друга» Мопассана – такого зачитанного, что иногда бумага рвалась прямо под ее пальцами.

Она встала под душ, а когда обсыхала, завернувшись в халат-кимоно, ей позвонил Энрико Малатеста. Этот финансист был женихом Коломбы, пока она не попала в больницу после парижского взрыва, мучаясь приступами паники и чувством вины. Тогда-то он и сделал ноги, а снова объявился в ее жизни всего пару месяцев назад. Якобы нашел в ящике стола старую фотографию – ну прямо как в песенке «Претендерс».

Энрико утверждал, что соскучился, но, по всей вероятно-

сти, у него просто-напросто не складывалось с личной жизнью. У Коломбы язык не поворачивался послать его куда подальше. Когда-то она к нему испытывала привязанность, да и трахался он отлично. Это вечно мешало ей бросить трубку.

– Я слышал о теракте, – сказал Энрико. Судя по шуму на заднем плане, он был уже в парке – скорее всего, на вилле Памфили. Ему нравилось выбираться на пробежку ранним утром. Бегать любили они оба. – В Интернете пишут, что ты там была.

– Значит, так и есть.

– Да ладно тебе! Была или нет?

Выйдя из ванной, Коломба села на край кровати, которая притягивала ее как магнит.

– Была.

– Я думал, молния не бьет в одно место дважды.

– Очень тактично... Как бы там ни было, это не так. На такой работе, как у меня, люди превращаются в громоотводы. «Особенно некоторые», – добавила она про себя.

– Как это было?

– Жаждешь горяченьких подробностей?

– Ты ведь знаешь, я всегда их любил, – весело отозвался Энрико.

«На что это ты намекаешь? – мысленно спросила Коломба тоном, который больше подошел бы ее матери. – Что ты имеешь в виду?»

– Нет никаких подробностей, – отрезала она. – Страшные

смерти, вот и все.

– Говорят, кто-то взял на себя ответственность за теракт.

– Говорят.

– И что пассажиры отравились газом.

– Да. – Неожиданно для себя она добавила: – Я и сама чуть им не надышалась. Пожалуй, я действительно вдохнула небольшую дозу.

– Ты шутишь?..

– Нет.

– Как ты? – Голос Энрико звучал тепло и искренне, но, возможно, он, как обычно, морочил ей голову. На сей раз Коломба решила принять его беспокойство за чистую монету и откинулась на постель в распахнувшемся на бедрах халате. Внезапно ей так сильно захотелось Энрико, что она положила руку себе между ног.

– Все хорошо, не волнуйся, – сказала она.

«Какого хрена ты творишь? Забыла, что этот говнюк бросил тебя, не дождавшись даже, пока тебя выпишут из больницы?» Она не забыла, как он ее предал, но помнила и другое.

– Что значит «не волнуйся»? Ясное дело, я волнуюсь. Ты дома? Я загляну к тебе перед работой.

«Да, загляни».

– Нет, в другой раз, я уже уйду.

«Не слушай меня и приходи».

– Я всего на пять минут, – сказал Энрико, почувствовав,

что ее воля слабеет.

«Да. Приходи. Приходи скорее!» – мысленно взмолилась Коломба.

– Нет, мне нужно идти, – сказала она и повесила трубку.

«Ну ты и шлюха, – с досадой подумала она. – Нашла время».

Разнежившись от вожделения, она невольно закрыла глаза и блаженно провалилась в омут сна.

Через час ее разбудил звонок домашнего телефона. Коломба так отвыкла им пользоваться, что не сразу его узнала. Нашупав трубку, она чуть не выронила ее из онемевшей, как под анестезией, руки. Звонил секретарь Курчо. От нее требовалось как можно скорее явиться на службу: начинались облавы.

6

Центральный полицейский участок находился в здании бывшего доминиканского монастыря на улице Сан-Витале, в двух шагах от Императорских форумов. На шестом этаже того же здания располагался и следственный отдел государственной полиции. Чтобы хоть немного проснуться, Коломба решила добраться туда пешком. Путь пролегал через площадь Треви. В любой другой день фонтан Бернини окружала бы плотная толпа, но сегодня здесь не было никого, кроме небольшой кучки унылых туристов.

«Бомбовый психоз. Держитесь подальше от людных мест», – подумала Коломба, хотя никаких взрывов не было и в помине. По крайней мере, пока. Еще через пять минут она вошла в участок через главный вход, увенчанный надписью «Sub Lege Libertas» – «Свобода под сенью закона», – и поднялась на шестой этаж, где находилось девять отделов мобильного подразделения. Здесь девяносто полицейских делили девятнадцать кабинетов, два туалета, переговорную, ксерокс, два принтера, один из которых не работал с незапамятных времен, а также комнату ожидания для посетителей и крошечный изолятор. Из-за чрезвычайных обстоятельств все отгулы и выходные отменили, и в коридорах было не протолкнуться. Агенты обменивались хмурыми взглядами, почти никто не улыбался. Повсюду бормотали телевизоры и радиоприемники.

Несколько коллег были в курсе ее злоключений и попытались ее расспросить, но Коломба молча обошла их и вошла в душную, переполненную переговорную. Вместе еще с тридцатью полицейскими, на лицах которых отражалась разной степени усталость, она выслушала распоряжения министра внутренних дел. Террористов пока не удалось идентифицировать, поступил приказ срочно собрать максимальное количество информации и установить личности исламских экстремистов, находящихся на территории Италии, а также сочувствующих им лиц. Другими словами, им предстояло перевернуть вверх дном всю страну в надежде, что всплывут

хоть какие-то зацепки.

– Кодовое название операции – «Решето», – сказал Курчо, повернувшись к потрепанной карте Рима, висящей на стене рядом с еще более ветхой, склеенной скотчем картой Италии. – Операция началась или в ближайшие часы начнется во всех крупных итальянских городах. Мы поделили Рим с карабинерами и «зелеными беретами». На нас Ченточелле, Остия, Касилина и Торре-Анджела.

Все эти районы находились на периферии, где буйным цветом цвели мелкая преступность и торговля наркотиками.

Из-за спины Коломбы донеслось чье-то приглушенное ворчание:

– Ну почему нам никогда не достается улица Корсо?

– В каждый отряд, – продолжал Курчо, – войдет по трое агентов под командованием вышестоящего офицера из их отдела. Вас поддержат патрульные, спецназ и культурный посредник. Каждый отряд будет управляться одним из членов целевой группы, сформированной Министерством иностранных дел для координации различных подразделений. Не превращайте это в вопрос званий и старшинства, потому что ответственность за операцию ляжет на них и именно им предстоит получать отмашки от разведслужб. Есть вопросы?

Вопросов, по крайней мере осмысленных, никто не задал. Коломбе достался восточный район Ченточелле, поскольку расположенный там исламский центр был ей уже знаком: один из его посетителей задушил жену и именно она защелк-

нула на нем наручники в первые дни по возвращении на службу.

– Притащим в зубах первую же косточку, если нам вообще хоть что-то подвернется, – сказал Сантини, когда Коломба зашла к нему в кабинет, чтобы получить последние распоряжения. Он сидел, положив левую ногу на стол. В прошлом году во время операции ему заменили одну из артерий пластиковой трубкой, и нога до сих пор не до конца восстановилась, зато болела в два раза сильнее, чем раньше. *В три.* – Если найдешь хоть один просроченный вид на жительство, арестуй всех и закрой заведение.

– Мы только подольем масла в огонь, – вздохнула Коломба. – Вот дерьмо.

– Такова жизнь, Каселли. Хочешь поставить под сомнение авторитет начальства? – с иронией спросил Сантини.

Коломба фыркнула:

– Есть еще распоряжения, *шеф*?

Он сунул в рот сигарету, собираясь, по обыкновению, выкурить ее у открытого окна. Так он поступал зимой и летом.

– Всем надеть бронежилеты, о'кей? И не самовольничай, как обычно.

Выйдя из кабинета Сантини, Коломба захватила из шкафа пуленепробиваемый жилет, а из комнаты отдыха – трех амиго. При виде ее они тотчас вскочили. Третья амиго были Альберти, лысый, сложенный как регбист инспектор Клаудио Эспозито, которого уже дважды отстраняли за рукопри-

кладство в отношении подозреваемых и сослуживцев, и вице-комиссар Альфонсо Гварнери – веселый, как зубная боль, тормоз с бородкой эспаньолкой. Это коллективное прозвище изобрел Альберти, и он же был единственным, кто его использовал. По мнению Коломбы, они больше походили на трех болванов: если бы не она, эта тройца так бы и просидела в участке до пенсии, перебирая бумажки.

По дороге к Ченточелле она, устроившись на заднем сиденье, пролистала распечатку с последними подвижками в расследовании. Покойник в сером костюме оказался шестидесятидвухлетним доктором Адриано Мэйном, анестезиологом из клиники Джемелли, который входил в научный совет миланской клиники «Вилла Реджина» и возвращался домой после сложной операции.

Модника звали Марчелло Перукка. Этот тридцатилетний владелец дискотеки «Голд» на улице Аппиа Антика и еще нескольких ночных заведений лишился водительских прав и вынужден был путешествовать поездом.

Женщиной на каблуках была пятидесятилетняя пиарщица Паола Ветри, известная в мире шоу-бизнеса благодаря работе с актерами масштаба Де Ниро и Ди Каприо. Пожалуй, именно ее смерть вызвала больше всего шумихи.

Старика с тростью в горле звали Дарио Баллардини. Когда-то этот семидесятидвухлетний бизнесмен владел мебельной фабрикой, но перед кризисом продал ее китайцам и вышел на пенсию. Он направлялся в Рим, чтобы навестить

дочь, а последний поезд предпочел потому, что страдал от бессонницы и, очевидно, любил доводить родню до белого каления.

Тридцатидевятилетняя Орсола Мерли, напротив, возвращалась домой к мужу-строителю. Несколькоми часами ранее ее машина сломалась, и ей пришлось сесть на поезд. Это ее Коломба обнаружила в туалете.

Мужчина в позе Супермена оказался тридцативосьмилетним миланцем Роберто Копполой – востребованным визуальным мерчандайзером, который направлялся в Рим, чтобы курировать открытие модного французского бутика на улице Бабуино.

Остальных четверых погибших гламурный флер не окружал. Двое из них – тридцатилетний гражданин Италии Джамилуддин Курейши и тридцатидвухлетний обладатель вида на жительство Ханиф Аали – работали стюардами, или как там называют тех, кто подает кофе в поездах. Оба были родом из Пакистана. Разведслужбы проверяли их на предмет связи с исламскими экстремистами, но пока расследование не принесло никаких результатов. Последними двумя жертвами были двадцатидевятилетний уборщик Фабрицио Понцио и открывший дверь в вагон кондуктор, чье имя Коломба уже знала.

При помощи телевизионщиков и администрации железных дорог удалось отследить пусть и не всех, но большинство пассажиров поезда. Тщательный анализ их показаний также

ни к чему не привел. К счастью, никто из них не отравился, хотя в приемных покоях римских больниц, заполнившихся ипохондриками, разразилась настоящая паника.

Полицейские просматривали тысячи часов записей камер видеонаблюдения на миланском вокзале Чентрале и римском Термини, надеясь выяснить, кто вошел в поезд и подключил баллон к вентиляционной системе, но к настоящему моменту их однообразный труд был бесплодным. Зато звонки мифоманов и ложные сообщения о готовящихся терактах раздавались по всему полуострову.

Пытаясь взять ситуацию под контроль, Министерство иностранных дел сформировало группу магистратов, которые, в свою очередь, координировали работу целевой группы, находящейся под надзором разведслужб. Теперь структура управления настолько разветвилась, что оставалось лишь гадать, кто принимает важные решения. Возможно, никто – вполне по-итальянски.

К удивлению Коломбы, в группу магистратов вошла Анджела Спинелли, с которой она работала над делом о погребенных в озере трупах, – очередное воспоминание, которое Коломба предпочла бы стереть из памяти навсегда. Однако, когда она случайно задремала, убаюканная движением автомобиля, прошлое снова закружилось у нее перед глазами. Разбудил ее Альберти, смущенно прикоснувшийся к ее руке: – Госпожа Каселли, мы на месте.

Она выпрямилась. Голова стала тяжелой, как арбуз.

– Спасибо.

Сидящий за рулем Эспозито выпростал из-за ворота золотой крестик, оставив его болтаться поверх необъятного брошежилета.

– На счастье, – сказал инспектор.

– Убери. Мы не инквизиция, – велела Коломба.

Инспектор неохотно заправил крестик под футболку, прижав к волосатой груди: волосами он зарос всюду, кроме головы.

– Хотите знать мое мнение, госпожа Каселли? Немного инквизиции тут не помешает. А иногда и пара зуботычин.

– Ей твое мнение до лампочки, Клаудио, – сказал Гварнери. – Пора бы тебе это усвоить.

– Ну и ладно. Попадете в ад, не жалуйтесь, – проворчал Эспозито, паркуясь.

Когда-то двухэтажное здание исламского центра в Ченточелле занимала автомастерская, и на одной из его стен еще можно было заметить следы старой вывески: за тэгами и граффити на арабском и итальянском языках виднелись число 500 и приставка «Авто». Центр находился в переулке, который оканчивался оградой заваленного мусором и выброшенными электроприборами пустыря, где ночами собирались парочки и барыги.

В полдень, когда к зданию подъехали Коломба и три амиго, его уже окружили десятки бронированных фургонов

спецназа и полицейских машин. В тупике тремя рядами выстроились полицейские, экипированные для борьбы с уличными беспорядками. Вход в центр им преграждала сотня выкрикивающих лозунги по-арабски иммигрантов с Ближнего Востока, среди которых были даже дети.

Противостоял манифестантам полицейский в штатском, в котором Коломба узнала инспектора Кармине Инфанти из своего отдела. Поняв, что его включили в целевую группу, она не слишком обрадовалась – Инфанти был конченным креатином.

– Говорю вам, освободите дорогу! – раскрасневшись, кричал он.

– Мы не имеем никакого отношения к халифату, – на хорошем итальянском сказал мужчина в коричневом костюме. – Мы здесь среди друзей. А вы заявляетесь к нам, как гестапо.

– Друг, мы всего лишь исполняем свой долг. А теперь дай пройти и скажи своим приятелям, чтобы посторонились!

– Вы не имеете права! Это наш храм! – снова возмутился араб.

Трое или четверо стоящих позади него манифестантов прокричали что-то в его поддержку. В толпе начали скандировать новые слоганы.

– Мне плевать, чей это храм. У вас десять секунд, чтобы убраться с дороги, или мы сами вас подвинем, ясно?

Инфанти сорвался на крик, и спецназовцы, подняв щиты,

двинулись к демонстрантам. Коломба инстинктивно шагнула между ними, сунув удостоверение в лицо самому старшему по званию офицеру.

– Спокойно, ребята. Это не поможет, – сказала она.

Руководитель подразделения окинул изучающим взглядом сначала корочку, а потом и ее саму.

– Вы не командуете операцией, – сказал он.

«Он прав. Я уже иду против приказов».

– Как тебя зовут?

– Инспектор Энеа Антиоко... *Госпожа Каселли*.

– Хорошо, инспектор Антиоко. Если ты без причины атакуешь гражданских, у тебя будут большие неприятности. Ясно?

Побагровев от гнева до кончиков ушей, Антиоко все-таки приказал своим людям остановиться.

«Добро пожаловать в клуб моих ненавистников», – подумала Коломба и, велев трем амиго оставаться со спецназовцами, подошла к Инфанти:

– Привет, Кармине.

– Госпожа Каселли? – сказал он, перекосившись, будто жевал лимон, да притом гнилой. Когда-то они были на «ты», но те времена давно прошли. Они отошли в сторону, чтобы поговорить, не переходя на крик. – Что вы здесь делаете?

– Вас поддерживаю. Итак, что случилось?

– Сами видите, они не дают нам войти. Я вынужден приказать идти на штурм.

– А где культурный посредник?

– Посредников на всех не хватило. Обстоятельства чрезвычайные, госпожа Каселли. Поэтому я войду в центр, даже если в результате кому-то не поздоровится.

– Дай мне пять минут. – Не дожидаясь ответа, Коломба подошла к толпе, остановилась в метре от первого ряда манифестантов и обратилась к мужчине в коричневом костюме, стоящему сразу позади них: – Позови имама.

– Нет никакого имама.

Коломба шагнула вперед и показала на собственное лицо:

– Не придуривайся. И давай поживей, я пытаюсь избежать заварухи. Рафик меня знает.

Мужчина сказал что-то по-арабски своим товарищам и исчез внутри. Через пару минут толпа расступилась, и из центра медленно, будто прогуливаясь по пляжу, вышел седобородый старик в куфии, очках в тяжелой оправе и свободной белой джеллабе, развевающейся на ветру.

– Госпожа Каселли, – на безупречном итальянском произнес он, подойдя к ней. Он избегал смотреть ей в лицо, поскольку никогда не разглядывал женщин без паранджи.

– Имам Рафик.

– Здесь нет террористов. Игиловцы – и наши враги тоже.

– Но нам необходимо это проверить, имам. Сами знаете, как все устроено.

– Так убедите в этом их. – Старик показал на толпу. – Я им не начальник, а наставник.

Коломба указала ему на выстроившихся со щитами спецназовцев. Из-за их спин показались оперативники в масках и с автоматами наперевес: на место прибыл ОБР – отряд по борьбе с терроризмом.

– Видите этих бойцов, имам? Я им тоже не начальница. И мне очень сложно держать их на поводке. Вы действительно хотите, чтобы пострадал кто-то из ваших правоверных? Прошу вас. Здесь дети.

Имам продолжал смотреть в невидимую точку за левым ухом Коломбы.

– Мы не имеем отношения к поезду. Милостивый Аллах запрещает убийство невинных.

– Я вам верю. Но я должна проверить.

Искоса взглянув на нее – большего он не мог себе позволить, – имам дал согласие на обыск.

Коломба вернулась к Инфанти, который свирепо затягивался сигаретой.

– Вас пропустят. Имам вас проведет.

– Давно пора, – недовольно сказал он.

– Но я пойду с вами, – сказала Коломба. – Имам знает меня, а я знаю это место.

– А ведь я могу потребовать, чтобы вы ушли, вы это понимаете?

– Попробуй.

Инфанти не осмелился. Как выяснилось впоследствии, малодушие сослужило ему дурную службу.

Инфанти, Коломба и три амиго вошли в здание вслед за оперативниками, оставив спецназовцев на улице, чтобы те установили личности присутствующих. Изнутри пропахшее отбеливателем и пряностями помещение с несколькими деревянными столиками напоминало безалкогольный бар. За стойкой выстроились стаканы, бутылки воды и пузатый посеребренный чайник, а на стенах висели фотографии арабских знаменитостей и флаг с полумесяцем. Обыск проходил мирно, пока они не попытались спуститься в расположенный в подвале спортзал. Имам встал перед дверью, преградив им дорогу.

– Вы должны снять ботинки, – сказал он.

– Простите? – Инфанти не верил своим ушам.

– Внизу находится мечеть. В мечеть входят босиком.

– Ну, теперь вы меня и правда достали. – Инфанти встряхнул имама, и тот с пронзительным воплем рухнул на пол, будто футболист-симулянт.

– Кончай с этим! – рявкнул Инфанти. – Я тебя даже не тронул!

Имам закричал еще громче.

Не успела Коломба его успокоить, как снаружи донеслась какофония криков на арабском и итальянском и приглушенные удары.

Она подбежала к окну. Около двадцати правоверных пытались прорваться внутрь, а спецназовцы сдерживали их ударами щитов и дубинок. Молодой араб упал на колени, держась за разбитую голову. Между пальцев у него текла кровь. Еще несколько человек лежали на асфальте, прикрывая лицо и ноги от пинков полицейских. Кто-то в задних рядах толпы начал забрасывать спецназовцев стеклянными бутылками, которые вдребезги разбивались об их шлемы. Антиоко приказал своим людям наступать, и все смешалось в вихре боли и криков.

Коломба подбежала к имаму. Старик, запястья которого были теперь скованы пластиковыми стяжками, прислонился к стене, всем своим видом показывая, что едва держится на ногах. Оперативник из ОБТ попытался преградить ей дорогу, но она невозмутимо прошла мимо него.

– Сейчас же прикажите им остановиться, – сказала она имаму.

– Никакой обуви, – повторил тот.

– Хочет стать мучеником, – сказал из-за ее спины Гварнери.

– Ты только не начинай, – заткнула его Коломба, пытаясь перекрыть шум.

Инфанти безуспешно пытался попасть в спортзал: выломать запертую железную дверь пинками было невозможно.

– Где ключ? – спросил он имама, но старик, не удостоив его и взглядом, принялся вполголоса молиться.

– Выломайте замок! – велел оперативникам разъяренный Инфанти.

Один из них затребовал по рации необходимый инвентарь.

За стенами кричали все громче. Раздались глухие хлопки гранат со слезоточивым газом, и в центр просочился едкий, режущий глаза дым.

Внезапно Коломба поняла, что нужно предпринять.

– Принесите из машины бахилы, – сказала она трем амиго.

Догадливый Гварнери пробормотал:

– Да забудьте вы про бахилы, надо подвесить этого деда за бороду.

– Не нарывайся, Гварнери. И постарайтесь не схлопотать от мусульман. – Виски Коломбы пульсировали от боли.

Полицейские вышли на улицу и протолкались через толпу. Когда они снова появились в здании несколько минут спустя, у Альберти был оторван рукав куртки.

– Не слишком-то вы торопились.

– Да вы хоть представляете, что там творится? – отдуваясь, спросил Гварнери.

Коломба вырвала у него картонную коробку, подошла к имаму и помахала ею у него перед носом:

– Видите эти штуки? Мы их наденем и ничего не испачкаем.

Имам недоверчиво посмотрел на бахилы:

– Они чистые?

– Не выводите меня из терпения. Я здесь единственная, у кого не чешутся руки разнести это место взрывчаткой.

Коломба схватила его за плечо и под ошеломленными взглядами сослуживцев подтащила к выходу. Один из оперативников последовал за ними.

– Теперь ход за вами, – сказала Коломба, распахнув дверь.

Хотя обзор перекрывал последний кордон спецназовцев, с улицы доносились крики и волны слезоточивого газа. Антиоко опустил рацию:

– Что происходит?

– Скажи своим ребятам, чтобы минутку побыли паиньками, – бросила Коломба и подтолкнула имама. – Вперед.

– Наручники.

Коломба закатила глаза и разрежала стяжки складным ножом:

– Пожалуйста.

Имам потер запястья, возвел руки к небу и по-арабски воззвал к столпившимся перед полицейскими щитами правоверным. Гомон быстро стих, сменившись гробовой тишиной. Имам заговорил более обыденным тоном, властными жестами унимая выкрикивающих вопрос за вопросом манифестантов. Толпа правоверных перестала напирать.

– А теперь ведите себя хорошо, – предупредила Коломба Антиоко, после чего снова втощила имама внутрь и захлопнула за ними дверь.

– Мне нравится ваш стиль, госпожа Каселли, – сказал яв-

но позабавленный оперативник из ОБР, стоящий у порога.

Под лыжной маской виднелись только голубые глаза, но голос мужчины показался Коломбе приятным. Она улыбнулась:

– Попробуем сдать это дело в архив, не наделав еще больше шума.

– Предупрежу ребят, что таран нам уже не нужен.

Коломба взглянула на имама:

– Нам ведь не понадобится таран, правда?

Вместо ответа старик достал из ящика за стойкой ключ и открыл дверь в подвал.

Спустившись по лестнице в прежнем порядке, возглавляемые оперативником из ОБР полицейские оказались в просторной прямоугольной комнате с крошечными окнами на уровне тротуара и щербатым бетонным полом. В пропахшем сыростью и пóтом помещении было минимум на пять градусов холоднее, чем наверху. Вдоль одной из стен лежали стопки молитвенных ковриков, а в другой стене была проделана сводчатая ниша, расписанная листьями и цветами, – михраб, указывающий направление на Мекку. Комната была пуста.

– Видели? Ничего, – сказал имам.

– Прочешите все вдоль и поперек, – распорядился Инфанти, у которого буквально дым валит из ушей.

Агенты принялись отодвигать мебель и заглядывать под коврики.

– Я знаю, что вы презираете нашу религию, – сказал имам

Коломбе.

Та пожала плечами:

– У меня нет предрассудков. Если уж на то пошло, кажется, это вы презираете женщин.

– «Не отдавай жене души твоей, чтобы она не восстала против власти твоей».

– Вот и я о том же.

Имам улыбнулся:

– Это Библия, госпожа Каселли. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Во всех религиях есть фанатики. Есть и фанатики-атеисты, сколь бы странным вам это ни казалось.

Коломба невольно улыбнулась:

– Вы бы понравились одному моему другу, имам. Он тоже любит выставить всех дураками.

– Мы закончили, – сказал дружелюбный оперативник. – Здесь никого нет.

Инфанти подошел к имаму.

– Ты в курсе, что мы можем закрыть это место? – сквозь зубы процедил он.

– Совершенный Аллах в своей бесконечной мудрости найдет для нас новое пристанище, еще лучше прежнего.

Инфанти с отвращением покачал головой и отправил остальных наверх. Коломба прикоснулась к его плечу:

– Главное, что все прошло хорошо.

– Хорошо *для вас*. Вы прилюдно меня унизили. Чтобы за-

щитить *этих*.

– Я никого не защищала.

Инфанти закурил.

– Вы изменились, госпожа Каселли.

– Каким образом?

– История с Отцом плохо на вас подействовала. Вы больше не рассуждаете как одна из нас.

Коломба слишком устала, чтобы спорить.

– Пойдем отсюда, – сказала она.

Инфанти затушил сигарету о стену и с презрительной улыбкой отшвырнул ее в середину комнаты.

– Конечно. Здесь воняет козлом.

Стыдясь за сослуживца, Коломба посмотрела на окурочек, и ее взгляд остановился на серых отметинах на полу. Она наклонилась.

– Инфанти... – не поднимая взгляда, сказала она.

– Почему бы вам не попросить прибраться своего приятеля-имама?

– Не будь идиотом. – Коломба показала ему на отметины. – Что скажешь на это?

Инфанти присмотрелся:

– Отпечатки?

– Следы ботинок.

– И?..

– Кто заходит сюда в обуви? – спросила Коломба.

Инфанти пошел по следам, ведущим к стене, к которой

была привинчена старая шведская стенка – единственный гимнастический снаряд, оставшийся от прошлой жизни исламского центра.

– Странно... – сказал инспектор и протянул руку между перекладинами, чтобы коснуться участка стены, показавшего ему более гладким.

Коломба закричала, чтобы его остановить, но поздно – Инфанти уже подтолкнул стену. Лязгнул металл, и часть стены повернулась на петлях, приоткрыв темный схрон. В темноте что-то метнулось.

– Кармине! Назад!

Но Инфанти не успел. Последним, что он увидел, была ослепительная вспышка ружья двенадцатого калибра.

8

Ружье, из которого выстрелили в Инфанти, было заряжено патронами для охоты на кабана – в каждом по девять дробинок, с близкого расстояния способных насквозь пробить три доски, оставив в них дыру размером с обеденную тарелку.

Три из девяти дробинок рассекали только воздух, еще четыре ударили в кевларовые пластины бронежилета, высвободив достаточно кинетической энергии, чтобы Инфанти отбросило на полметра назад, а две последние попали в цель. Первая вошла под левую скулу, вышибив три зуба и отрезав кусок языка. Вторая попала в неприкрытый участок тела, прошив

инспектора от плеча до ключицы. Инфанти потерял сознание еще до того, как, прочертив дугу багровых капель, упал на бетон.

Коломба отчаянно пыталась вынуть пистолет непослушными пальцами. Раздался еще один выстрел – на сей раз стреляли по ней. Дробины просвистели у нее над головой и вонзились в стену, взметнув облако штукатурки. Под отдающееся от железобетонных стен эхо выстрелов она кинулась к одной из трех колонн, подпирающих потолок спортзала. В это мгновение из схрона, крича, выскочил араб лет двадцати в рваных джинсах и белой футболке. Схрон представлял собой полость метровой глубины и ширины, где когда-то проходили канализационные трубы. Мужчина прятался там с тех пор, как здание окружила полиция. Передернув затвор, он загнал в патронник новый патрон. Растерявшаяся, беззащитная Коломба превратилась в идеальную мишень. В ушах звенело от выстрелов, и ей никак не удавалось прицелиться. Она не успевала ни открыть ответный огонь, ни укрыться за колонной и чувствовала себя беспомощной и отяжелевшей, как влипшая в мед муха. Несмотря на расстояние, дуло ружья стало огромным. Черное солнце, готовое испепелить ее, поглотить.

Убить.

«Господи».

В эту секунду Коломба была абсолютно уверена, что ей пришел конец. Она умрет в темном, смердящем потом и по-

рохом подвале. Умрет, потому что стремглав окунулась в неведомую пучину, начав свое безудержное падение в заваленном трупами поезде.

Не оставляя попыток поднять налившийся всей тяжестью мира пистолет, Коломба увидела, как пальцы араба сжимаются на спусковом крючке. Ей показалось, что она слышит щелчки шестеренок, передающих давление пальцев сначала к собачке, а затем к бойку и капсюлю гильзы. Она ощутила, как загорается порох и в гильзе крошечным пламенным облачком расширяется газ. Вдруг дуло ружья заслонила тень: наперерез стрелку с криком и поднятыми руками бросился имам.

Коломба так и не узнала, что именно говорил Рафик: она разобрала только слово «la» – «нет» по-арабски, – а в следующее мгновение газ прогнал патрон по стволу, и дробины вошли в его тело со скоростью, вдвое превышающей скорость звука. В отличие от Коломбы единственной защитой старика была вера, которой – по крайней мере, для этого мира – оказалось недостаточно. Все девять дробинок попали ему в грудь и низ живота и вышли через спину. Миг – и здоровый человек у нее на глазах превратился в окровавленный кусок мяса.

Однако за это время ее пистолет описал в воздухе дугу и оказался в огневой позиции. Коломба выстрелила. Ее указательный палец так быстро нажимал на спусковой крючок, что все двенадцать выстрелов слились в один затяжной

взрыв. Стреляя, она закричала и еще продолжала кричать, когда парень с пробитыми грудью и лицом пошатнулся и с хлопаньем мокрой тряпки ударился о стену. На секунду он словно приклеился к стене, а потом в судорогах заскользил на пол: его мозг разорвало в клочья, но организм еще подчинялся императиву выживания и пытался сбежать. Коломба продолжала вхолостую спускать курок, не отрывая глаз от изгибающегося, словно бескостного тела – сдувающейся оболочки, лишь отдаленно напоминающей человека.

Наконец она перестала кричать и пришла в себя достаточно, чтобы заменить отстрелянную обойму. Ее взгляд метнулся к схрону за шведской стенкой: она боялась, что оттуда вырвутся новые вооруженные боевики. В тайнике ничто не двигалось, но краем глаза Коломба видела, как пространство вокруг преобразуется. Стоило сфокусировать взгляд, все ускользало, но в миллиметре за периферией зрения спортзал наполнялся неуловимыми тенями, языками пламени, беззвучными криками и летящими, как фрисби, столешницами.

Коломба, задыхаясь, упала на колени. Она била кулаком о бетон, пока на костяшках не лопнула кожа и боль не рассеяла кошмар – кошмар, который, как ей прежде казалось, навсегда остался позади.

С полными слез глазами она на четвереньках подползла к Инфанти и приложила пальцы к его липкому от крови горлу. Пульс был нитевидным, но постоянным, однако левая половина его лица превратилась в фарш. Коломба подавила

приступ тошноты, достала из кармана бумажные салфетки и прижала к ране, пытаясь остановить кровотечение.

По лестнице застучали шаги, и Коломба вскинула пистолет. На ступенях показались Эспозито и Альберти.

– Госпожа Каселли! – закричал Эспозито. – Не стреляйте!

Она опустила оружие:

– Нам нужна «скорая».

– Какого черта здесь стряслось? – спросил Эспозито.

Коломба продолжала зажимать рану Инфанти.

– В схроне прятался мужчина с ружьем. Да вызови ты наконец «скорую»!

– Рация здесь не ловит. Ни хрена не ловит! – всхлипнул Альберти.

Эспозито отвесил ему оплеуху:

– Проснись, сосунок! Беги на улицу и позови врачей! Они сразу за спецназовцами. Пошевеливайся!

Альберти побежал наверх, и Эспозито склонился над имамом:

– Этот еще живой.

– Смени меня, – сказала Коломба.

Эспозито занял ее место. Только поднявшись, она заметила, что перемазалась кровью по локоть.

«Жаловаться не на что. Эта кровь могла быть твоей», – подумала она, все еще дрожа и задыхаясь. Все это не на самом деле. Всего лишь кошмар из прошлого. Как и поезд в Париж.

Она не убивала этого человека.

Имам прижимал руки к развороченному животу, почти неслышно бормоча молитву. Под ним растекалась лужа крови.

– Врачи уже на подходе, – сказала ему Коломба.

У имама, казалось, наступило просветление. Он перестал молиться.

– Омар был славным мальчиком. Он просто испугался, – чуть слышно произнес старик.

– Омар?

– Омар Хоссейн... Мальчик, который в меня стрелял.

– Он причастен к теракту в поезде?

Словно понимая, что его время на исходе, имам поспешно возобновил молитву. Коломба повторила вопрос и встряхнула его за хрупкие, костлявые плечи.

– Нет. Он был настоящим мусульманином, но знал, что вы ему не поверите... Потому что он был знаком с... теми из видеоролика.

Коломба почувствовала новый прилив адреналина:

– Кто они такие, имам?

Его взгляд затуманился.

– Преступники... фальшивые... Все это обман, – пробормотал он.

Она снова мягко встряхнула старика:

– Пожалуйста, скажите мне, кто они.

– Я не знаю. Отпустите меня... – Он снова начал молиться

на арабском.

Поняв, что не имеет права настаивать, Коломба пожалала липкую от крови ладонь имама:

– Спасибо, что спасли мне жизнь.

В первый и последний раз имам взглянул ей в лицо и обнажил красные от крови зубы в улыбке:

– Не я спас вас, а всемогущий и достохвальный Аллах. Он уготовил вам особое предназначение, хоть вы об этом пока и не знаете, – сказал старик. Челюсть его обмякла, и он умер.

Словно во сне, Коломба поднялась и оглядела превратившийся в бойню спортзал. Эспозито продолжал зажимать раны Инфанти, бормоча ругательства и слова утешения. Кровь, вонь, два трупа и один умирающий.

«Возможно, если бы ты осталась на улице, ничего бы не случилось», – сказала она себе. Кожу пощипывало от жженого пороха.

По лестнице спустились двое врачей со сложенными носилками, а за ними – толпа агентов. Отодвинув Эспозито, медики засуетились с кислородными масками и трубками.

Вслед за врачами в спортзал вошли трое оперативников из ОБР, включая того симпатягу, и спецназовец Антиоко.

– Охренеть! – с порога сказал он. – Какого черта здесь произошло?

– Нам потребуется подкрепление, – сказал Симпатяга. – Толпа на улице становится все больше.

– Они слышали выстрелы?

Симпатыга покачал головой:

– Нет. Было слишком шумно. А здесь стены со звукоизоляцией.

Комната продолжала заполняться полицейскими, которые, переговариваясь и покрикивая, останавливались в нескольких метрах от трупов и толкались на лестнице. Коломба дважды хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание:

– Слушайте все! Народ из центра должен считать, что имам жив, ясно? Он здесь и помогает нам допрашивать подозреваемого.

– С какой стати нам перед ними юлить? – спросил Антиоко.

– Я правда должна тебе это разжевывать?

Антиоко открыл было рот, но промолчал.

– Сообщите в диспетчерскую и вызовите магистрата, – продолжала Коломба. – Но не сболтните лишнего, о'кей?

– Значит, теперь вы за главную? – спросил Симпатыга.

– Ненадолго. Но пока вы будете делать, что я вам скажу. – Она надеялась, что ей удалось придать голосу уверенность, которой она не испытывала.

– Так точно.

Коломба вывернула бронежилет наизнанку и с отвращением надела снова: так, по крайней мере, не видно было крови. Бегом поднявшись по ступеням, она выглянула на улицу. За кордоном спецназовцев собралось минимум полсотни

иммигрантов, а чуть дальше потрясала транспарантом кучка итальянских ребят из самоуправяемого общественного центра. К счастью, в толпе больше не было детей.

– Народ продолжает подтягиваться, – сказал ей один из оперативников ОБТ. – Но пока все ведут себя спокойно.

Гварнери протиснулся через кордон и вошел внутрь.

– Все хорошо, госпожа Каселли? – с озадаченным видом спросил он.

– Тебе никто ничего не сказал?

– Нет...

В этот момент со стороны лестницы показались двое медиков, несущих носилки с бесчувственным Инфанти. Гварнери изумленно распахнул глаза:

– Но...

– Завязалась перестрелка, и имам попал под перекрестный огонь. Но демонстранты не должны ничего узнать.

– Это мы его пристрелили?

– Нет, но попробуй объясни это им.

Медики с носилками прокладывали себе дорогу в толпе. Гомон становился все оглушительнее, и наконец над улицей зазвучало одно ритмично повторяемое слово.

Рафик. Рафик. Рафик.

Коломба снова услышала голос имама: «Все это обман».

Рафик. Рафик. Рафик.

– Они видели, как он вошел, но не видели, чтобы он выходил, – сказал Гварнери. – Скоро начнется настоящая сви-

стопляска.

– Уже началась, – сказала Коломба, вспоминая, как в последний раз пожала руку имаму.

– Что будем делать? – спросил Гварнери.

«Забудь обо всем, – подумала Коломба. – Поезжай домой». Но она осталась в живых, и за ней был долг.

– Я хочу кое о чем тебя попросить, но моя просьба должна остаться между нами. Она... выходит за рамки процедур. Я возьму всю ответственность на себя, хорошо?

– Просите о чем угодно, госпожа Каселли. И я знаю, что весь отряд скажет то же самое.

Коломба перевела дух. Еще не поздно было остановиться. Но она не остановилась.

– Найдите одного человека, – сказала она. – Его зовут Данте Торре.

Глава 2. Back on the Chain Gang⁶

Ранее – 1987

Человек, который когда-то был полицейским, смотрит архивные съемки на крохотном кухонном телевизоре. Всякий раз, как рядом с обветшалым домишком в Полтаве проходит грузовик, черно-белое изображение на старом переносном телеприемнике прерывается помехами. И все же мужчина узнает на снятых с вертолета кадрах дороги, ведущие к Коробке. Ему даже удается различить вдали стены, прежде чем камеру затягивает густой черный дым и передача обрывается.

«Это случайность, – говорит он себе. – Несчастное стечение обстоятельств, усугубленное человеческой глупостью». Никто не желал подобного кровопролития.

От расстройства бывший полицейский снова начинает слышать голоса и видеть танцующие цветные пятна. Он закрывает глаза и затыкает уши руками. Он знает, что все бесполезно, но это приносит хоть немного облегчения. В голове кипит водоворот огней и звуков, шепота, ослепительных цветов, фрагментов воспоминаний и образов никогда не виданных краев. Тяжело втянув в себя воздух, он прячет лицо в ладони и падает на колени.

⁶ «Мы снова скованы одной цепью» (англ.) – песня англо-американской рок-группы «Претендерс» (1982).

Таким его и находит Девочка.

– Вставай, – говорит она, положив руку ему на плечо.

Как всегда рядом с Девочкой, вспышки перед глазами мужчины бледнеют, а голоса умолкают. Бывший полицейский поднимается на ноги и улыбается. Девочка, как всегда, не отвечает на улыбку, а только пристально глядит на него своими огромными глазами. Ее бледное лицо с обескровленными губами обрамляют отросшие волосы.

– Вот, поешь, – говорит она, протягивая ему бумажный пакет. В пакете лежат хлеб, две банки с мясными консервами и несколько сморщенных яблок.

– А ты? – спрашивает он.

Девочка пожимает плечами. Она не голодна. Она никогда не бывает голодна.

– По телевизору показывали взрыв. Столько смертей...

– Не думай об этом, – не меняясь в лице, говорит она и снимает пальто. Ее худенькое тело сильнее стального прута. Кроме волос, со времен Коробки в ней ничего не изменилось: та же скованность, та же бесполовая фигурка. Она по-прежнему молчалива и не произносит ни одного лишнего слова. Когда башиачник перерезал себе горло, она сказала лишь, что не каждой птице удается выжить, вылетев из клетки. «Но ты выживешь, – добавила она тогда. – Потому что ты мне нужен».

Девочка аккуратно складывает пальто и кладет на край стула, а затем поднимает с пола и ставит на стол ящик

с инструментами. Осмотрев содержимое, она мягким, выверенным движением достает плоскогубцы. У полицейского сводит живот. Хлеб становится ему поперек горла. Ему стыдно за свое трусливое молчание, но он знает, что все равно не смог бы ее остановить. Да и потом, им нужны деньги, а на другую работу, кроме той, что нашла Девочка, они, беглецы, не устроятся.

Девочка открывает дверь в чулан, и ее тень падает на лицо запертого там человека. На привязанном скотчем к стулу мужчине нет ничего, кроме трусов. Его рот туго зажат обмотанной в несколько оборотов вокруг затылка клейкой лентой. На месте одного глаза зияет покрытая кровавыми струпьями пустая глазница, другой распахнут от ужаса. Его мочевой пузырь самопроизвольно опорожняется, и на трусах расплывается мокрое пятно.

Равнодушная к смраду пота и мочи, Девочка хватается за левую руку. Связанный мужчина пытается вырваться, но ему это не удается. Он невнятно мычит. Оставшийся на кухне бывший полицейский догадывается, что означает бормотание пленника: он спрашивает за что. Спрашивает, чего они от него хотят.

«Еще рано для вопросов, – объясняла бывшему полицейскому Девочка. – Он пока не готов отвечать».

«Мне он кажется вполне готовым, – возражал полицейский. – Может, хотя бы попытаемся?»

«Рано». Девочка никогда не меняет тона, даже когда го-

ворит с ним. Даже когда ей приходится разжевывать ему очевидные истины – например, как сломить волю человека.

Бывший полицейский не знает, где она этому научилась. Не знает он и того, каким образом она пережила казнь в Коробке и освободила его. Главное, что ей это удалось, и бывшему полицейскому остается только верить в нее. Повиноваться ей и надеяться на ее милосердие.

Девочка прижимает плоскогубцами левый мизинец связанного мужчины. Тот начинает мычать еще громче, невразумительно умоляя о пощаде. Девочка медленно качает головой.

– Рано, – говорит она, смыкает плоскогубцы и готовится к долгой ночи.

1

Мужик был конченным кретином, – одевался как кретин: брюки с отворотами и мокасины на босу ногу, – у него была кретинская, да вдобавок еще и загорелая физиономия, и, словно этого было мало, разговаривал он тоже как кретин. Данте Торре с трудом удержался, чтобы не сообщить крестину его диагноз, и с деланным энтузиазмом вошел за ним в портик университета Сапиенца. За внушительным фасадом ректората скрывались гораздо более древние корпуса, где размещались факультеты. Он задерживал дыхание, пока снова не оказался под открытым небом. Попав в централь-

ный двор, он набрал полные легкие воздуха, и Кретин, также известный как доцент Франческо Дельи Уберти с кафедры новейшей истории, обернулся к нему:

– Все хорошо, господин Торре?

– Конечно. Так о чем вы говорили, профессор?

– Я говорил, что ребята будут счастливы с вами познакомиться.

К ним, смеясь и толкаясь, направлялась группа студентов. Данте повернулся боком к молодежи и вскинул руки, вовремя избежав столкновения. Из его папки на булыжную мостовую посыпались бумаги и ручки. Кретин нагнулся:

– Позвольте вам помочь.

Данте поспешно подобрал один из листков, пока тот не успел к нему прикоснуться.

– Не беспокойтесь, я сам.

– Что вы, это такие пустяки.

– Я сам, – не допускающим возражений тоном повторил Данте.

Кретин резко выпрямился:

– Простите.

Данте попытался улыбнуться.

– Просто у меня тут... как бы своя система, – на ходу придумал он. Господи, до чего ему было паршиво.

Всю ночь Данте проворочался, размышляя о предстоящей встрече, и каждые двадцать минут вставал то за кофе, то за таблетками, то за водкой, водой и сигаретами. Заснуть ему

удалось только на рассвете. Во сне он шел по сужающейся пещере, пока свод не стал настолько низким, что двигаться дальше было невозможно, – в жизни он не осилил бы такой подвиг даже под транквилизаторами, – а повернув назад, обнаружил, что выход завален огромным валуном. В этот момент по пещере прокатился голос Отца, приказывающий Данте отрезать его больную руку. Он проснулся, и его вывернуло провонявшей спиртом желчью прямо на себя.

Не вставая, он закурил сигарету. Могло быть и хуже: он мог захлебнуться собственной рвотой во сне, как Джон Белуши. Сорвав с кровати постельное белье, Данте сунул его в ванну своего люкса и попытался отстирать пятна, чтобы горничная не поняла, что с ним стряслось. Его потуги привели к самым плачевным результатам – пришлось вывесить сырые, вонючие простыни на балкон и надеяться, что они высохнут. К счастью, стоял прекрасный солнечный день, и солнце слепило Данте даже сквозь зеркальные очки.

Только теперь он заметил, что Кретин, похоже, о чем-то спросил и дожидается ответа. Данте нащупал в слуховой памяти его последние слова: доцент спрашивал о его образовании.

«Какой же ты зануда».

– Я даже школу толком не окончил, – сказал он вслух.

– Правда? Судя по вашей речи, никогда бы не подумал. Я в том смысле, что вы производите впечатление глубоко образованного человека, – пояснил Кретин.

Данте продолжал вертеть головой, прикидывая периметр двора и ширину проходов и пожарных выходов. Стены казались до тошноты близкими, гомон во дворе резал уши. Он уже взмок от пота.

– Я самоучка. Но официального образования не получил.

– Должно быть, из-за похищения?

«Должно быть, из-за похищения? – мысленно передразнил Данте. – А из-за чего же еще? Кретин».

– Да. Когда я сбежал, мне было уже почти восемнадцать, и мне пришлось получать свидетельства об окончании младшей и средней школы. Это оказалось довольно сложно. Помимо меня, в вечернюю школу ходили только дети и неграмотные старики.

– То есть вы сбежали из силосной башни, где вас держал Отец?

– Браво. А вы, вероятно, из династии профессоров?

Кретин улыбнулся:

– Мой дядя возглавляет факультет политологии, а отец преподает в Лозаннском университете. Вы узнали фамилию?

«Нет, я узнал, что без протекции ты бы унитаза драил, а не в доцентах ходил».

– Да. Прославленная фамилия, – с натянутой улыбкой сказал Данте.

Ему нестерпимо хотелось удрать. Капли пота уже стекали по икрам. Оставалось лишь надеяться, что доцент ничего не замечает. Данте был одет в черный костюм, а на черном

обычно не видно мокрых пятен. Помимо костюма, на нем были белая панама, из-под которой виднелись светлые волосы до плеч, и шипованные криперы со стальными носами. Он смахивал на Дэвида Боуи времен «Let's Dance», правда изрядно вытянувшегося и похудевшего.

– Вот мы и пришли, – сказал Кретин, показывая ему на полсотни раскладных стульев, расставленных прямо во дворе. Напротив них стояли стол, стул и микрофон, а позади стола – похожий на гигантский блокнот флипчарт, со шнура которого свисал синий маркер. – Согласно вашим пожеланиям, мы устроились на свежем воздухе. В свете недавних событий мы можем лишь надеяться, что кто-то придет...

– Мы далеко от станции, – сухо произнес Данте.

– Кто знает, не подложат ли эти сумасшедшие новую бомбу.

– В таком случае одно место ничем не хуже другого, верно?

Кретин не нашелся с ответом и сменил тему:

– Как вы намерены провести лекцию?

– Я... собирался начать с некоторых наиболее неоднозначных исторических случаев, – принялся импровизировать Данте.

– Золотая коллекция конспирологических теорий, – сказал Уберти.

– Да, и городских легенд. – Данте прервался, потому что в третьем ряду уселась парочка студентов, которые махали

еще двум приятелям. Кто-то и правда пришел его послушать. При этой мысли он похолодел и как вкопанный застыл посреди двора.

– А потом? – допытывался Кретин.

– Мне нужно в уборную, – сказал Данте.

– Вам туда. – Кретин махнул на дверь в главное здание.

Вход показался Данте пещерой из его сна, распахнутой голодной пастью.

– Мне просто захотелось выпить глоток воды.

– Там есть и торговый автомат.

Данте уставился на него. На лбу у доцента было написано: «Кретин».

– У меня клаустрофобия. Потому я и провожу лекцию под открытым небом.

Кретин Дельи Уберти виновато улыбнулся:

– Да, конечно. Простите. Я думал, что ненадолго вы можете...

– Бывает по-разному. Сейчас не могу.

Один из психиатров, наблюдавших Данте в детстве, научил его оценивать выраженность своих симптомов по шкале от одного до десяти, и сейчас столбик его внутреннего термометра приближался к седьмой отметке. Еще чуть-чуть, и придется сбежать домой. Тем временем на стульях расположились еще восемь студентов. Он говорил себе, что, если не явится и десяти человек, не станет даже начинать, но студентов пришло уже больше.

– Извините. Давайте я сам схожу. Вам без газа?

– Главное, жидкую.

Как только Кретин исчез, Данте пошарил в папке и извлек упаковку прегабалина. Это обезболивающее обладало сильным анксиолитическим действием, и, хотя обычно его прописывали эпилептикам, он обнаружил, что в его случае лекарство было неплохой чрезвычайной терапией. Однако, поскольку в стенки желудка оно всасывалось слишком медленно, Данте повернулся лицом к колонне, разломил две капсулы и, притворяясь, будто потирает нос, вдохнул порошок. Через сосуды слизистой препарат попадал в системный кровоток быстрее и должен был подействовать всего за пару минут.

– Господин Торре? – раздался чей-то юный голос за его спиной.

Данте вытер нос рукавом («Клянусь, это не кокс») и обернулся. Перед ним стояли двое улыбающихся студентов – парень и девушка лет двадцати. Невзрачный, сутулый паренек казался типичным зубрилой, а его подружка в розовой футболке, натянувшейся на груди четвертого размера, выглядела более чем привлекательно. Стараясь не опускать взгляд ниже ее ключиц, Данте быстро пожал обоим руки и незаметно вытер ладонь о брюки. Он терпеть не мог, когда к нему прикасались незнакомцы. Впрочем, по большей части он не слишком жаловал и прикосновения близких людей.

– Мы пришли послушать вашу лекцию, господин Торре, –

сказал паренек.

– Мы уверены, что будет очень интересно, – добавила девушка.

– А, спасибо, – ответил Данте, не зная, что сказать.

Девушка наградила его соблазнительной улыбкой:

– Мы много о вас читали.

– Надеюсь, только хорошее.

– Плохое гораздо интереснее, – рассмеялась она. – А правда, что вы никогда не выходите из дому?

«Девчонка, ты вдвое меня моложе. Не делай из меня старого извращенца», – подумал Данте.

– Это преувеличение, – солгал он.

– А то, что вы живете в отеле?

– Правда.

По крайней мере, пока. Через пару недель ему останется либо съехать, либо заплатить по счету. Оба варианта казались Данте одинаково непрактичными. Ему и так пришлось отказаться от услуг гостиничной прачечной и таскать вещи в ближайший прачечный автомат, где его рубашки превратились в лохмотья. Сегодня он вынужден был надеть сорочку в здоровенных светлых пятнах от стирального порошка, но под пиджаком их было незаметно.

Паренек встрял в разговор, буквально протиснувшись между ними:

– Мы считаем, что нужна большая смелость, чтобы совершить то, что совершили вы. Вы не побоялись власть имущих,

чтобы добиться правды о вашем деле.

«Власть имущих? Кто так разговаривает?»

Не успел Данте произнести эти слова вслух, как девушка обернулась: какая-то подружка махала ей, подзывая к себе.

– Пойду сяду, – сказала она и исчезла.

Парень так и остался стоять с ее жакетом в руках и приклеенной улыбкой.

Данте стало его жаль.

– У тебя нет шансов, сам-то понимаешь?

– Простите?

– Она не видит в тебе потенциального сексуального партнера. Пожалуй, ты можешь надавить на жалость, но я бы на твоём месте поискал другую.

Лицо парня вытянулось.

– Вы ошибаетесь. Мы просто друзья.

«Не пытайся обмануть обманщика, сынок».

– Ты таскаешь за ней жакет, как горжетку королевы, ходишь за ней по пятам, а когда ты к ней прикасаешься, у тебя расширяются зрачки. Пока она со мной щебетала, ты пронзал меня ненавидящим взглядом и даже попытался вклиниться между нами. Я понимаю, ты влюблен, но она стерва.

– Она не стерва, – выдохнул паренек, уже не пытаясь отрицать очевидное.

– Ты заезжаешь за ней в дождь? Даешь ей списывать? Ночами шлешь сообщения с сердечками?

Парень молчал.

– Только вот она на твои ухаживания не отвечает, рассказывает тебе о своих парнях и притворяется, будто не замечает, что ты по ней сохнешь. Но поверь, она прекрасно об этом знает и обсуждает тебя с подружками. Без сомнения, добавляя, что ты *очень милый*, или как там сейчас выражаются подростки. Она манипуляторша и будет манипулировать, пока это сходит ей с рук. Возможно, через несколько лет она поймет, что не стоит так поступать с людьми, но я в этом сильно сомневаюсь.

Глаза парня наполнились слезами.

– Нет. Вы ошибаетесь.

– Уверен, что и кулончик у нее на шее – твой подарок. Спорим, ты долго его выбирал. Боялся, что подарок будет выглядеть слишком недвусмысленно, и в то же время надеялся, что она поймет его скрытое значение. Она стесняется этого кулона, носит только при тебе и прячет под блузкой. – Данте закурил. – Вот тебе мой совет: уноси ноги. Это твой единственный шанс. Может, ей и захочется тебя удержать.

– Вы ублюдок! – выпалил парень и повернулся, чтобы уйти. – И здесь нельзя курить!

– Под открытым небом?

– Да! Потому что здесь вам университет, а не паноптикум!

Мальчишка быстро зашагал прочь. Данте покачал головой.

«Что ж, я хотя бы попытался тебя предостеречь. Да что толку». Влюбленное сердце глухо к доводам разума: с ним

самим подобное случалось чаще, чем ему хотелось вспоминать.

В этот момент вернулся Кретин.

– Здесь нельзя... – начал он, протягивая ему бутылку воды и стаканчик кофе.

– ...курить. Да, мне уже сказали. – Данте в последний раз затынулся и бросил окурочок в решетку канализации.

– Пассивное курение...

– Понимаю.

– Вы уже познакомились с кем-то из студентов?

– Да. – Данте отпил из бутылки, проглотив приторный, мучнистый комок в горле. Прегабалин начинал действовать. – Перекинулись парой дружелюбных слов.

Он заметил в другом конце двора своих новых знакомых. Те горячо спорили о чем-то на повышенных тонах. Он опустил глаза на свой стаканчик – бледный призрак настоящего кофе. Что останется, если вскипятить молотый блендированный кофе, выпарить и снова растворить получившийся порошок в наперстке воды при совершенно неподходящей температуре? Зловонные помои. Принюхавшись, Данте уловил нотки джута, прогорклость, душок риато, пластик и, пожалуй, шлейфовый запах машинного масла. Он бы не смог влить в себя эту гадость, даже умирая от жажды посреди пустыни.

– Я сегодня уже выпил пару чашек, – сказал он. Строго говоря, десять, и до заката намеревался выпить еще вдвое

больше.

Кретин показал ему на стулья. Все они были заняты, а между рядами даже стояли непоместившиеся слушатели.

– Думаю, мы готовы. Я только скажу пару слов по случаю траура.

«Сегодня просто спасу нет от этого поезда», – подумал Данте.

– Спасибо.

Кретин Дельи Уберти минут десять распинался о погибших в поезде и необходимости сплотиться перед угрозой терроризма в таких выпрєнных выражениях, что Данте то и дело содрогался. Когда настал его черед, он несколько секунд помолчал. Упертые в него глаза студентов, казалось, готовы были поглотить его с потрохами. Многие ли пришли, чтобы его послушать? Возможно, большинство привлекла его скандальная репутация и они надеются стать свидетелями какой-нибудь его дикой выходки? Данте испытывал большое искушение смыться, вырубить телефон и затаиться, игнорируя оскорбленную реакцию собравшейся на его лекцию публики. Раньше он не стал бы стоять столбом, подыскивая нужные слова, а именно так бы и поступил, но сейчас попросту не мог уйти.

Он сделал глубокий вдох. Наполнивший легкие воздух приглушил гомон голосов и вывел его из столбняка.

– Всем добрый день. Спасибо, что пришли. Прошу вас на время забыть о печальном событии и освободить разум,

иначе мы так всю лекцию и проговорим о поезде. Кто-то из вас может дать определение теории заговора? Нет? Преду-прежду, если вы мне не поможете, это займет целую вечность...

«Отличная хохма, продолжай в том же духе», – с досадой подумал он.

Свинцовую тишину нарушила пара вежливых смешков.

– О'кей, тогда это сделаю я. Теория заговора – пластырь, заклеивающий рану в нарративе мира, в котором мы живем. Нравится? Ладно, эту херню я только что придумал на ходу.

На этот раз кое-кто и правда засмеялся. Ругательства действуют безотказно.

Данте слегка приободрился.

– Конспирологические теории представляют собой неуклюжие попытки дать ответы, способные приглушить тревогу, которую вызывают у нас необъяснимые или шокирующие события. Такие события выбивают у нас почву из-под ног, как, например, одиннадцатое сентября или сегодняшний поезд, приносят боль, как смерть какого-нибудь общественно-го деятеля, или заставляют мечтать о лучшем мире – такова гипотеза об автомобилях на водяном топливе, существование которых скрывают лоббисты нефтяников. Теории заговора почти никогда не дают правдоподобных ответов, зато указывают на дыры в официальном нарративе, намеренно и тщательно покрывающем злоупотребления и ложь. Однако и так случается не всегда. Иногда речь идет о полной бес-

смыслище вроде химиотрасс, но очень часто... – Слова лились свободным потоком, и постепенно Данте начал отдавать себе отчет, что публика заинтересованно слушает и даже забывает поглядывать на его изуродованную руку, затянутую в черную перчатку, – в наказание Отец заставлял его бить себя розгой по руке.

К концу лекции Данте приберег свой коронный номер и нарисовал на доске довольно примитивные карикатуры на Элвиса и Джона Кеннеди. Техника у него была неплохая, и, когда он закончил, студенты разразились аплодисментами.

– Вам ведь известно, – сказал Данте, показывая на карикатуры, – что Элвис приложил руку к убийству Кеннеди?

Слушатели снова захихикали.

– Нет-нет, я не шучу, – продолжал он. – Как и все конспирологические теории, эта версия опирается на факты или их правдоподобные интерпретации. *Факт:* Элвис крутил роман с актрисой Энн-Маргрет, известной по роли в фильме «Да здравствует Лас-Вегас!». *Факт:* Энн-Маргрет дружила с Мэрилин Монро. *Факт:* у Мэрилин Монро перед смертью был роман с президентом Кеннеди. *Факт:* в последние годы жизни Элвис был одержим «красной угрозой». *Факт:* личный врач Кеннеди Макс Якобсон был связан с Элвисом. Он снабжал их обоих амфетаминами и стимуляторами, за что его и прозвали доктор Кайф. – Данте улыбнулся. – Когда надо, в наше время таких докторов днем с огнем не сыщешь.

Послышались новые смешки, и он довольно ухмыльнул-

ся: несмотря на патологическую стеснительность, он обожал купаться во внимании.

– Как видите, – снова заговорил он, – этих людей разделяет всего одно рукопожатие, однако для внедрения теории заговора требуются дополнительные элементы. Зрелищная, полная неясностей смерть – такая, как убийство Кеннеди. Действительно ли Освальд был таким метким стрелком, что сделал все три выстрела в одиночку и дважды попал в находившегося в движущемся автомобиле президента? Почему перед больничной палатой Кеннеди выставили вооруженную охрану, которая не пускала внутрь даже его супругу? Действительно ли Кеннеди вышибло мозги выстрелом, или же мозг извлекли позже? Каким образом Джеку Руби удалось приблизиться к Освальду и застрелить его на глазах у полицейских? Можно и дальше продолжать в том же духе.

Данте отпил из бутылки.

– Даже этого могло не хватить для зарождения легенды, но Кеннеди знали и любили во всем мире. На него почти молились. Впрочем, как и на Элвиса. – Он показал на карикатуры больной рукой. – Давайте добавим еще кое-какие детали, которые так и не удалось ни доказать, ни окончательно опровергнуть. Элвис владел редкой копией фильма Запрудера, который запечатлел смертельный выстрел в Кеннеди, и хранил пленку как зеницу ока; один из телохранителей Элвиса служил в спецслужбах; один из любовников Энн-Маргрет работал на КГБ... И вот у нас на руках все необходимые

ингредиенты для торта. – Данте снова улыбнулся. – А вот и сам тортик. От врача, который был близок к Кеннеди, Элвис узнает, что президент распорядился убить Мэрилин, накачав ее барбитуратами. Он рассказывает об этом Энн-Маргрет, которая убеждает его отомстить за подругу. Элвис задействует свои связи с ЦРУ и мафиози из Лас-Вегаса, а те и рады оказать ему услугу. По другим версиям, Энн-Маргрет уговаривала его поквитаться с Кеннеди с подачи своего приятеля из КГБ и на спусковой крючок нажал сам Элвис.

Данте подождал, пока хохот немного стихнет.

– Разумеется, это всего лишь сказка, цель которой – помочь нам преодолеть ужас перед лицом невысказанного. Похожие легенды зародились и после самоубийства секс-иконны Мэрилин, которую все считали счастливницей, и после исчезновения Элвиса – самого знаменитого певца в мире. Как вы знаете, существует множество теорий и относительно его смерти. Главная из них, конечно, состоит в том, что он до сих пор жив и находится в доме престарелых для неимущих артистов, как писал в своем романе Джо Лансдейл. Вторая – что его убил Джон Леннон из зависти к его успеху. Но не волнуйтесь, за его смерть отомстил Майкл Джексон. А кто-то еще – пока не знаю кто – в свою очередь отомстил за Леннона.

Слушатели снова разразились смехом и аплодисментами. Довольный Данте предложил перейти к вопросам. Руку подняла студентка с пышной копной рыжих волос.

– Согласно вашим словам, профессор...

– Я не профессор, а лишь страстный почитатель конспирологии, – не упустил случая порисоваться Данте. Уж очень хорошенькой показалась ему девушка.

– Извините. Согласно вашим же словам, *господин* Торре, предполагаемая связь ЦРУ с вашим похищением – тоже теория заговора. Ваша версия не подтверждена никакими достоверными доказательствами.

Данте ожидал этого вопроса – без него не обходилось никогда.

– *Факт*: Данте Торре – не мое настоящее имя, но за время моего заточения Отец стер всю мою память о прошлом и внедрил мне новые воспоминания. Я даже не знаю, действительно ли родился в Кремоне. *Факт*: у Отца были спонсоры, которых так и не удалось отследить, и связи в армейских кругах. *Факт*: оказалось невозможным установить личность сообщника Отца, который сейчас отбывает тюремное заключение и до сих пор известен нам только под прозвищем Немец. *Факт*: у ЦРУ был исследовательский проект «МК Ультра», изучающий манипулирование сознанием посредством экспериментов над людьми. Все остальное – вопрос дедукции.

– Ребенком вы попали в руки психопата, который много лет продержал вас в заключении, – сказал другой студент. – Разве это не достаточное объяснение?

– На мой взгляд, нет. Но я уже много раз говорил об этом, и мои слова ничего не изменили.

– Эксперименты «МК Ультра» закончились еще в семидесятые, – сказала рыжеволосая студентка. – И ЦРУ никогда не проводило их на территории Италии. Трудно представить, каким образом мог быть с ними связан Отец.

– Да, насколько нам известно, так и есть. Но знаем ли мы все? В тысяча девятьсот семьдесят третьем году директор ЦРУ Хелмс приказал уничтожить все документы, касавшиеся «МК Ультра». По мнению осведомленных лиц, то, что нам удалось узнать исходя из немногих сохранившихся бумаг и свидетельств, – лишь верхушка айсберга.

– Однако вы так ничего и не доказали, и магистраты, расследовавшие гипотезу о связях Отца с какой-либо организацией, закрыли дело, – сказал еще один парень.

Данте поднял руки, показывая, что сдается:

– О'кей, о'кей. Вы правы. В том-то и проблема. – Он самоуничижительно наморщил нос. – Как в моем случае, так и в случае Кеннеди доказательств нет, а значит, и говорить не о чем. Сегодня я не пытался убедить вас верить всему или не верить ничему. Я лишь хотел, чтобы вы научились всегда задаваться вопросами. Если кто-то старается скормить вам готовую истину, откройте упаковку и загляните внутрь. И не важно, кто пытается кормить вас с рук – политики, пресса, полиция или такой, как я. Проверяйте. И всегда ищите собственные ответы. Это я и постарался сделать сегодня вместе с вами.

Целью последнего высказывания было заслужить апло-

дисменты, и лекция действительно закончилась громовыми рукоплесканиями. Отойдя в угол двора, Данте обменялся парой слов со студентами, подходившими, чтобы пожать ему руку, и с притворным недовольством раздал желающим автографы. Явился и Кретин Дельи Уберти с оговоренной оплатой за лекцию. Капля в море. Придется снова разыскивать пропавших деток. Пока Данте мечтал о приличном кофе, который, по его мнению, умел варить только он сам, его взгляд упал на троих вошедших во двор мужчин. В одном из них он узнал Альберти, который в момент их знакомства был всего лишь новичком-патрульным, а двое его спутников, разумеется, также принадлежали к команде Коломбы.

При мысли о ней Данте охватили самые противоречивые чувства, но, когда троица подошла к нему, прочесть что-либо по его лицу было невозможно.

– Стоит позвонить своему адвокату? – спросил он.

– Спокойно, господин Торре, – сказал Альберти, подавая ему руку. – Как вы?

Данте посмотрел на его ладонь, не изъявляя никакого желания ее пожать.

– Зачем бы вы ни явились, мне это неинтересно.

– Госпоже Каселли нужна ваша помощь, – сказал Альберти.

Данте постарался сохранить невозмутимость.

– В полицейских делах?

– Ну да.

– Это не по моей части, так что, если позволите. . . .

Собравшись уходить, Данте потянулся за своим мобильником, оставшимся на скамье, где он раздавал автографы, но Эспозито оказался быстрее. Полицейский выхватил телефон и помахал им в сантиметре от его лица:

– Не позволим. Звоните ей, или я наберу ее номер вашим носом.

Данте презрительно взглянул на него:

– С каких пор горилл принимают в полицию?

Гварнери опустил руку сослуживца:

– Прошу прощения, господин Торре. В отличие от меня мой товарищ воспитывался не в монастырском пансионе. Но дело срочное.

Данте заметил, что все трое выглядят не только изможденными после участия в каких-то жестоких и кровавых событиях, но и сильно обеспокоенными. Его досада тут же сменилась любопытством, и он, вопреки запрету, закурил.

– Сначала выкладывайте, – сказал он.

2

Через два часа после перестрелки исламский центр в Ченточелле попал под осаду. Улицу перекрывали бронефургоны, здание оцепили полицейские в защитном снаряжении. Около ста демонстрантов собралось на тротуаре через дорогу, дюжина очутилась в больнице, а еще полсотни – в на-

ручниках. Не говоря уже о том, сколько народу шаталось по кварталу, поджигая мусорные контейнеры и разбивая витрины. Коломба не знала, от кого исходила утечка – возможно, язык распустил один из полицейских или медиков, – но новость о гибели имама произвела среди демонстрантов эффект разорвавшейся бомбы, вызвав крики и рыдания.

И вспышку насилия.

Беспорядки начались неожиданно, и Коломбе, как и всем присутствующим полицейским, пришлось отражать нападение в шлеме и с дубинкой в руках. Ничего подобного не случилось с ней с первых лет службы, когда она отвечала за восстановление общественного порядка на стадионах. Но если в те времена она без колебаний раскраивала головы футбольным фанатам, вооруженным ломami и коктейлями Молотова, то сейчас перед ней были отчаявшиеся люди, которые винили полицию в безнаказанном преступлении, и противостоять им оказалось гораздо сложнее.

Когда демонстранты отступили, Коломба насквозь промокла от пота. Бросив окровавленную дубинку на землю, она укрылась в безалкогольном баре, где вещал старый радиоприемник. Партизанская война, вызванная полицейскими рейдами по исламским центрам и мечетям, развязалась не только в Ченточелле, но и во многих других итальянских городах. Раненых было не перечесть, а количество арестованных уже достигло трехзначных чисел. Появились и бригады самозванных патриотов, нападавших на каждого, кто не

мог похвастать светлой кожей, и стайки беженцев, отбивающихся палками и стальными прутами. Коломба подумала, что, если террористы намеревались разжечь гражданскую войну, то им это удалось, и в очередной раз поняла, как сильно ей не хватает Альфредо Ровере. Ровере, возглавлявший мобильное подразделение до Курчо, умел создавать порядок из хаоса и придавал ей уверенности даже в самые тяжелые минуты. К несчастью, Ровере убил Отец, а перед смертью бывший начальник обманом заставил ее привлечь к расследованию Данте. Правильно ли он поступил? Оправдала ли цель средства? Коломбе до сих пор не удалось ответить себе на этот вопрос. В том-то и проблема с усопшими – объяснить с ними начистоту невозможно. Оставалось лишь примириться с прошлым внутри себя, а ей такие подвиги духа давались нелегко.

Чувствуя растущую потребность в добром слове или стаканчике спиртного, Коломба увидела, что через кордон проходит все полицейское начальство во главе с магистратом Спинелли. Она встала и собралась было поздороваться со старой знакомой, когда находившийся в числе новоприбывших Сантини без единого слова оттащил ее в подсобку, заставленную ящиками с напитками и коробками восточных сладостей. Он закрыл дверь и прислонился к ней, словно ожидая, что Коломба бросится бежать.

– Твою мать! Я же просил тебя не напортчить! – побагровев от злости, прошипел он.

Коломба вызывающе посмотрела на него. Витающие в воздухе ароматы глютомата и кориандра казались ей запахом пороха.

– И как же я напортачила?

– Ты еще спрашиваешь? Обращалась с Инфанти как с недоумком, выделялась перед спецназовцами! – Сантини сшиб со стола старенький калькулятор. Корпус раскололся надвое, и по полу покатались батарейки. – Благодаря твоему гениальному вмешательству у Инфанти дырка в лице, а у нас на руках двое покойников, которых мы даже вынести отсюда не можем без помощи спецназа!

На секунду Коломба отключилась. Только что она разглядывала трещину в кафельной плитке, а в следующий миг уже трясла Сантини за лацканы плаща.

– Да! – заорала она ему в лицо. – У нас двое покойников, на месте одного из которых могла оказаться я!

– Убери руки!

Но Коломба словно не слышала. Она уже не могла перестать кричать.

– Мне пришлось убить человека, понял?! Я убила двадцатилетнего паренька! А ты являешься сюда и орешь? Какое же ты дерьмо!

Сантини оттолкнул ее, и она приземлилась на картонные коробки со спагетти.

– Убери руки, замначальника Каселли! – ледяным тоном сказал он. – И убавь громкость. Меньше всего я хочу, чтобы

все поняли, что ты свихнулась.

Коломба вскочила как напружиненная и бросилась бы на него снова, если бы ее не удержала последняя искорка разума. Она остановилась, со сжатыми кулаками глядя на Сантини и порывисто дыша сквозь стиснутые зубы.

– В подвале прятался преступник с ружьем. По-твоему, это моя вина?

– Знаешь, почему он прятался? – спросил Сантини таким тоном, будто говорил с умалишенной. – Потому что вступил в силу приговор суда. Хоссейна осудили за торговлю наркотиками, на которой поймали еще шесть лет назад! Если бы ты не сунулась куда не надо, парень до сих пор был бы в бегах и, возможно, снова наделал бы глупостей. Но не расстрелял бы Инфанти и имама. А нам бы не пришлось подавлять целый мятеж.

– Столкновения с полицией происходят сейчас по всей Италии, – сказала Коломба. – Волнения вызываю не я, а операция «Решето».

Сантини фыркнул:

– Я тебя умоляю! Хочешь сделать мир лучше? Поддайся в миссионеры. В полиции существуют правила.

– Сам-то ты не больно их придержишься, – пробормотала Коломба, когда ее бешенство уступило место чувству вины.

– Каселли, я ни разу не отступал от правил с тех пор, как меня перевели в мобильное подразделение. Я учусь на своих

ошибках. – Сантини закурил. – А ты постоянно совершаешь новые. – Он выпустил дым из ноздрей, напомнив Коломбе сказочного дракона. Костлявого, усатого дракона. – Какого черта на тебя нашло, могу я узнать? Ты всегда была занозой в заднице, но раньше хотя бы умела вовремя остановиться, иначе не сделала бы карьеру. А сейчас превратилась в по-смешнице.

Сгорая от ненависти к самой себе, Коломба почувствовала, что краснеет.

– Ты все сказал?

– И последнее: никто не захочет взять на себя ответственность за случившееся. Тем более те, кто нас сюда послал. Смерть Хоссейна никого не волнует, но гибель имама может вызвать дипломатический скандал во всем мусульманском сообществе. Если бы Инфанти не подстрелили, отчитываться пришлось бы ему, но теперь начальство пойдет на все, чтобы выставить его жертвой, а не идиотом.

– Значит, я в полном дерьме.

– Bravo! И выбирай слова, когда будешь говорить со Спинелли. Если ты не готова поклясться, что Хоссейн и имам бредили священной войной и напали на тебя с именем халифа на устах, лучше притворись, что ничего не помнишь от потрясения.

– Я скажу правду, и точка. – Коломба закусила губу. В голове отдавались слова имама: «Все это обман». – Мы можем быть уверены, что в смертях в поезде виноваты мусульман-

ские террористы?

– А ты разве ролик не видела?

– Кто угодно может объявить себя воином ислама, но это еще не значит, что так и есть.

– Ради бога, не пори чепуху! – вышел из себя Сантини. – Саперы нашли в других поездах еще три баллона с газом. Кому такое под силу, кроме гребаных игиловцев?

– Но почему никто не погиб? – растерянно спросила Коломба.

– Потому что мы вовремя остановили железнодорожное сообщение. Вероятно, они подложили все баллоны прошлой или позапрошлой ночью, когда составы стояли в депо на миланской станции Чентрале. Но пока это только гипотеза.

– Записи с камер наблюдения что-то показали?

– Нет. За станциями наблюдают через пень-колоду. От камер только и пользы, что они отваживают бомжей. Но с чего ты засомневалась, что это ИГИЛ?

Прежде чем Коломба придумала правдоподобный ответ, на экране ее мобильного появилось желтое привидение «Снэпчата», уведомляющее о звонке. Этим приложением пользовался только один ее знакомый. Он же без разрешения установил его на ее телефоне. «Снэпчат» шифровал звонки, за что был горячо любим барыгами и тинейджерами, увлекающимися сексом по телефону.

– Это личный звонок, – сказала она Сантини. – Ты не мог бы оставить меня на минутку?

Сантини всплеснул руками.

– Что ты, что ты, разумеется! – раздраженно сказал он. –

Но помни, что я тебе сказал.

Полицейский вышел, и Коломба вдруг поняла, что он по-своему за нее волнуется. Это открытие застигло ее как гром среди ясного неба. Снова закрыв дверь, она уселась на один из ящиков с напитками.

– Спасибо, что позвонил, Данте, – сказала она в трубку.

– Твои люди не оставили мне выбора, – холодно ответил тот. – В следующий раз звони мне напрямую.

– И ты возьмешь трубку?

– Не обещаю.

– Значит, ты понимаешь, почему я так поступила.

На несколько секунд повисла неловкая тишина.

– Ты в порядке? – наконец спросил он, внезапно вспомнив о манерах.

«Нет».

– Да-да, все о'кей. Но мне нужна твоя помощь.

Данте сидел на капоте припаркованного перед университетом полицейского автомобиля. В нескольких метрах от него три амиго разглядывали проходящих мимо студенток и оценивали их в зависимости от размера груди.

– Да, об этом я догадался, КоКа. – Этим ласковым прозвищем называл ее только Данте. В его устах оно звучало естественно.

Они снова помолчали.

– Видел ролик, где террористы берут на себя ответственность за трагедию в поезде? – спросила Коломба.

– Пока нет.

– Похоже, ты такой один на всю страну. Можешь посмотреть? Пожалуйста.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Не хочешь объяснить зачем?

– Они рассказали тебе про имама?

– Да.

– Его слова меня встревожили. Только и всего. Пожалуйста, посмотри видео и перезвони.

Данте фыркнул.

– Рад стараться, – сказал он и положил трубку.

В дверь постучали.

– Входите, – сказала Коломба.

Один из полицейских пришел сообщить ей, что ее ждет магистрат. Коломба сказала, что ей нужно еще несколько минут. Увидев ее мокрые от слез щеки, агент без лишних вопросов ретировался.

Тем временем Данте сел в позу лотоса и достал из папки ноутбук.

– Какого черта вы исполняете? – спросил Эспозито, на секунду оторвавшись от созерцания девушек. – Ритуал вуду?

– Тсс... Не мешай ему работать, – сказал Альберти, который был великим почитателем Данте.

Его кумир надел наушники и запустил ролик. Через несколько секунд он понял, почему Коломба попросила его посмотреть видео, а через минуту пожалел, что согласился. Он прогнал его дважды, а потом и в третий раз – уже на медленном воспроизведении и без звука.

– Дай мне свой ответ, – сказала Коломба, когда Данте ей перезвонил.

– Это лишь предварительный анализ... Да и качество картинки оставляет желать лучшего...

У Коломбы сжались легкие.

– Да говори же!

– О'кей. Что-то тут нечисто.

Коломба тоскливо вздохнула.

«Вот дерьмо», – подумала она.

– Что?

– Эти двое. Они плохо говорят по-арабски. Это понятно уже по тому, как они произносят имена своих богов-покровителей. Судя по ногтям, мозолям и форме рук, парни занимаются тяжелым низкоквалифицированным трудом. Они недостаточно образованны, чтобы изготовить такой газ.

– Может, газом их кто-то обеспечил, – предположила Коломба.

– Газ был изготовлен в домашней лаборатории, а значит, скорее всего, на территории нашей страны. Если бы они купили его на черном рынке, то выбрали бы более сильное и стабильное вещество, например нервно-паралитический газ

или С-четыре.

– Барт говорит то же самое. Она занималась экспертизой тел погибших в поезде.

– Значит, сомневаться не приходится. – Авторитет Барто не был для Данте непререкаем. – Как видно по их одежде и дешевой простыне, они малограмотны и малообеспечены, что роднит их со многими шахидами и камикадзе. Но не с подпольщиками, которые намерены оставаться в деле надолго. Подпольщики обычно имеют высшее образование и являются выходцами из привилегированных классов. Среди них много инженеров. Зато бедняки вроде этих двоих идут на пушечное мясо.

– Значит, у них есть главарь, который изготовил газ и научил их, как себя вести.

– Странный главарь. Главарь, который доверил им сделать публичное заявление, вместо того чтобы заняться этим самому. Одно дело – мученические ролики, а другое – программный манифест. Их всегда оглашают главари. Есть вопрос и поважнее, – с необычной для себя сдержанностью произнес Данте. – У каждой религии имеются свои отличительные особенности, но многие, в том числе ислам, предусматривают поясные и земные поклоны. Основой намаза является ракаат – последовательность строго определенных движений. Ты поднимаешься на ноги, садишься на пятки, про...

– Данте, пожалуйста, я, вообще-то, тороплюсь...

– О'кей, о'кей. Верующий не должен задумываться, как вести себя во время молитвы, его движения машинальны. Машинальные движения человек обычно воспроизводит и в других обстоятельствах. Когда люди, воспитанные в католических традициях, произносят: «Умоляю», то часто сводят ладони вместе, как будто и правда молятся. При мысли о Всемогущем мусульмане обычно наклоняются. Глубина поклона зависит от набожности, но нужно понимать, что речь идет о микродвижениях. – Данте прикурил сигарету от окурка предыдущей. – Восхваляя Аллаха, пророка и халифа, ребята из видеоролика стояли прямо, словно кол проглотили. Они фальшивые, как деньги из «Монополии». Не знаю, за какие достоинства их мог выбрать главарь, но уж точно не за веру. А это заставляет усомниться и в вере главаря.

– Может, их завербовали второпях. Как того типа в Ницце.

– От того парня требовалось умение водить грузовик, а не подключать газовый баллон к вентиляционной системе. Чувствуешь разницу в уровне подготовки?

Коломба закрыла глаза:

– По словам имама, все это обман.

– Возможно, он кого-то покрывал.

– В последнюю минуту жизни? Имам сказал, что Хосейн... Парень, которого... – Она беспомощно запнулась.

– Который погиб, – выручил ее Данте. – И раз уж мы об этом заговорили, это не твоя вина.

– Спасибо за понимание, – отрезала Коломба. – Он сказал, что Хоссейн испугался, потому что знал их и боялся, что его тоже во все это впутают.

– Допустим, так и есть. Зачем тогда они убили этих людей? Они совершенно точно родом с Ближнего Востока. Зачем им развязывать охоту на арабов?

– Не знаю... Мало ли психов, – сказала Коломба.

– Около семидесяти процентов мирового населения – психи, и большинство из них носит форму.

Прежде чем ответить, Коломба мысленно посчитала до десяти. Сейчас ей было не до споров.

– Данте...

– Я не тебя имел в виду. Поговори с магистратом, расскажи ей, что знаешь. Если надо, я дословно повторю свои выводы полицейским.

– Это ни к чему не приведет. В наших кругах ты пользуешься дурной славой. Твое мнение не примут, даже если ты скажешь им, который час.

– Я уже доказал, что мне можно верить, – оскорбился Данте.

– Это было до того, как ты объявил, что правительство и все государственные организации кишат цэрэушниками.

– Мои слова извратили. – (Интервью, опубликованное в одном из популярнейших новостных изданий, вызвало немалый скандал и даже несколько парламентских запросов, которые окончились ничем.) – По крайней мере, отчасти.

– Во-вторых, я и сама пользуюсь не слишком большим доверием.

– Разве ты не любимица шефа?

Коломба посчитала до двадцати.

– Нет, Данте. Не любимица. Мне было нелегко вернуться на службу, и многие из моих сослуживцев не очень-то довольны моим возвращением.

– А ведь я тебя предупреждал.

– Пожалуйста... Я не хочу ссориться. Не сейчас.

Данте немного расслабился:

– Прости, ты права. Уверена, что тебя не послушают, если будешь настаивать?

– Может быть, в конце концов ко мне и прислушаются. Но я не знаю, сколько времени на это уйдет. По сути, расследованием теракта занимается целевая группа, без одобрения которой не пройдет ни одна операция. Представляешь, чего стоит убедить этих болванов из спецслужб, что они ошибаются? А без согласования с ними магистрат не сможет принять ни единого решения.

– Да уж, – протянул Данте.

– Не говоря уже о том, что, если ошибаемся мы, я не только подставлюсь сама, но и подставлю шефа и все мобильное подразделение.

– О'кей, понял. Но я не вижу проблемы. Этих двоих вы все равно рано или поздно найдете. За плохими парнями охотятся сотни копов.

– Если построить все расследование на неверной предпосылке, можно потерять очень много времени, – сказала Коломба. – Если эти двое не связаны с исламскими радикалами, к тому времени, как мы на них выйдем, их и след простынет. Или они убьют кого-нибудь еще. Я должна предоставить магистрату неопровержимые доказательства.

– Удачи.

– Я здесь застряла.

Поняв, что от него требуется, Данте почувствовал, что ему срочно необходимо пропустить стаканчик, и, пожалуй, не один.

– КоКа... Ты серьезно просишь, чтобы я стал ищейкой вместо тебя?

– Нет, я только прошу, чтобы ты занялся тем, что умеешь лучше всего, – розыском пропавших.

– Пропавших, а не террористов.

– Только ты можешь их найти с теми крупными объемами информации, которые у нас есть.

– Ты меня подмазываешь?

– Есть немного, – признала Коломба. – Но поверь мне, если я обратилась к тебе после всего, что произошло, значит у меня не было другого выхода.

Данте усмехнулся и еще немного оттаял.

– Не очень-то приятно такое слышать.

– Честно говоря, ты также мой лучший кандидат. Бывают и такие совпадения.

Раздираемый противоречивыми чувствами, Данте на несколько секунд задумался.

– Ну, я мог бы взглянуть на друзей Хоссейна, – неохотно сказал он. – На тех, что сейчас не под микроскопом у твоих коллег, то есть на умеренных мусульман и атеистов. Судя по произношению, оба парня выросли в Риме. Но я ничего не смогу сказать с уверенностью, пока не познакомлюсь с ними лично. Ну а что до доказательств, посмотрим, не всплывет ли что.

– О'кей, спасибо. Правда.

– Да-да, хорошо. И как мы это сделаем?

– Моя команда останется с тобой. Ребята помогут тебе в поисках и будут тебя защищать. Но если запахнет жареным, мы тебя вытащим, хорошо? Не хочу подвергать тебя опасности.

Данте покосился на трех амиго: олуха, который только и мечтал отличиться, депрессивного зануду и вояку, который распускал руки.

«А кто защитит меня от них?» – подумал он.

– Ладно, раз уж иначе никак. Я предпочел бы иметь дело с тобой.

– Не знаю, насколько я бы тебе сейчас пригодилась. – Коломба потеряла глаза. – Я тут недавно психанула.

Стоило Данте услышать, как дрогнул ее голос, и его броня окончательно треснула.

– Приступ паники? – мягко спросил он.

– У меня их не было с тех пор, как умер Отец. Я надеялась... что поправилась. Но я снова начала задыхаться... и у меня опять появились галлюцинации.

Данте решил оставить свое мнение при себе. Он считал, что Колумба никогда не поправится. Урон нанесен, течь открылась, и задрать ее уже невозможно. По крайней мере, так случилось с ним самим. Он останется порченным товаром на всю жизнь.

– КоКа, кончай со всем этим, – сказал он. – Жизнь тебе задолжала, обналичь чек.

– Не могу. Представь, каково мне будет, если я все брошу, а потом что-то случится, – еле слышно сказала Колумба. – Позови Эспозито, я сообщу ему, о чем мы договорились.

– Попроси его, пожалуйста, чтобы не стрелял во все, что движется.

– Дай ему трубку.

Данте передал телефон Эспозито и улегся на капот, глядя в ясное небо.

«Почему я все время ведушь?» – спросил он себя. Вопрос был риторическим, и ответ на него он прекрасно знал.

После разговора с Колумбой три амиго минут десять совещались между собой и наконец подошли к нему.

– Не то чтобы мы вам не доверяли, – сказал Гварнери. – Но мы не совсем поняли, чем вы можете помочь. Эксперты анализируют ролик целый день, а вы посмотрели его в течение пяти минут.

– Госпожа Каселли вам не сказала? Я волшебник.

Троица без выражения уставилась на него.

«Какая неблагодарная публика», – подумал Данте.

– Я хорошо узнаю людей. И умею их находить, – сказал он.

– Это даже я знаю, – сказал Эспозито. – Но у тех парней были закрыты лица... Не слишком ли много вы на себя берете?

– Открою вам секрет: лица не мой конек. Я даже с трудом их различаю. – Это заявление не совсем соответствовало истине, по крайней мере с тех пор, как Данте повзрослел, но так история лучше звучала. – Вы же знаете, что меня похитили? На протяжении тринадцати лет единственным человеком, которого я видел, был Отец. Он всегда прятал лицо. Приходилось определять его настроение по телодвижениям, и я неплохо разобрался в языке тела. И научился видеть то, чего остальные обычно не замечают.

– Например? – спросил Эспозито.

– У вас змея на шее, – сказал ему Данте.

– Чушь собачья!

– Да, чушь, но вам тут же захотелось проверить. Ваше сознание блокировало это действие – иначе вы бы выглядели глупо. Но у тела есть собственный мозг, распределенный между тысячами километров нервных волокон. На наши жесты и движения оказывают влияние самые разные факторы, например образование, среда и возраст, но они не менее уникальны чем отпечатки пальцев. Если завтра я встречу вас с

закрытым капюшоном лицом, будьте уверены, я вас узнаю. В том числе и благодаря тому, что, играя в футбол, вы порвали мениск.

У Эспозито отвисла челюсть.

– Как вы узнали?

– Это видно по походке. А что до футбола... По вам не скажешь, что вы увлекаетесь художественной гимнастикой.

Эспозито невольно расхохотался и повернулся к Альберти:

– Он всегда такой?

– Всегда, – ответил молодой человек, гордясь своим знакомством с Данте.

– О'кей. У нас есть три-четыре часа, прежде чем господин Сантини заметит наше отсутствие и вызовет нас в участок, – сказал Гварнери. – Успеете совершить чудо?

«Как бы не так», – подумал Данте. Но разочаровывать публику он не привык.

– Вот увидите, – сказал он.

3

Следующий час Данте провел, запершись в машине трех амиго: несмотря на боязнь замкнутых пространств, пребывание в автомобиле он вполне мог выносить, если только тот не находился в движении. Он разлегся на заднем сиденье, упираясь одной, обутой в шипованный крипер ногой в подго-

ловник переднего, а другой – в заднее стекло, и лихорадочно стучал здоровой рукой по клавиатуре ноутбука, проклиная черепашие интернет-соединение через модем мобильного.

Не обращая никакого внимания на дым, ставший таким густым, что слезились глаза, Данте курил одну сигарету за другой. Он блуждал по соцсетям, проверяя немногие имена, которые трое амиго выудили из полицейских отчетов о знакомых и сообщниках Хоссейна в период торговли наркотой, когда тот еще не обратился к религии и не начал посещать мечеть в Ченточелле.

Никто из них не походил на парочку из видеоролика. Тогда Данте занялся самим Хоссейном, прибегнув к помощи слегка нелегального программного обеспечения, которое хранил в зашифрованном разделе жесткого диска.

Первым делом он обратился к всемирной телефонной книге – «Фейсбуку». Ни один из шестидесяти друзей погибшего не напоминал телосложением самопровозглашенных воинов джихада, и Данте начал листать и анализировать все посты Хоссейна. Его страница явно принадлежала истинно верующему – ни голых задниц, ни приколов, ни игр, ни ссылок на порнографические сообщества и группы знакомств. Только снимки в компании друзей, невинно развлекавшихся купанием или курением кальяна, и женщин в паранджах – очевидно, пожилых родственниц. Табуны скачущих коней. Цветы. Закаты. Мечети. Безобидные стихи из Корана, в которых не содержалось призывов карать неверных.

Прокрутив ленту вниз, Данте нашел переписку двухлетней давности, в которой кузен Хоссейна, помимо прочего, спрашивал, почему тот больше не обновляет свой сайт, и прилагал к сообщению гиперссылку. Данте скопировал ее в браузер и попал на веб-страницу, которая отсутствовала на первых страницах результатов поиска в крупных поисковиках. То была заброшенная три года назад личная страница на сайте с агрессивной рекламой, тоже под завязку набитая лошадьми и закатами. Не обошлось и без очередной суры из Корана о чудесах природы. Ничего стоящего. Придется копнуть поглубже.

Альберти открыл дверцу со стороны водителя, и его тут же окутало облако дыма. Разогнав дым руками, он сел за руль:

– Все хорошо, господин Торре?

Данте досадливо поднял взгляд:

– Ты что, вытянул короткую спичку?

– Простите?

Данте возвел очи к небу и мягко, как ребенку, пояснил:

– Твои товарищи отправили тебя на разведку?

– Н-нет, что вы... – солгал Альберти. – Можно спросить, чем вы занимаетесь?

– Я ищу кого-то, с кем перестал общаться Хоссейн. Большое преимущество Интернета в том, что здесь сохраняется все.

– Возможно, они не дружили.

– Если верить предсмертным словам имама, Хоссейн узнал этих двоих по видеоролику, а значит, был их близким другом.

– Или таким, как вы.

– А ты изменился к лучшему за время моего отсутствия.

На зарумянившихся щеках Альберти проявились веснушки.

– Нашли что-нибудь?

Данте повернул к нему ноутбук и продемонстрировал страницу Хоссейна.

– Знаешь, что такое исходный код веб-страницы?

– Инструкции относительно ее оформления, цвета и так далее.

Данте одобрительно кивнул:

– А ты сегодня в ударе! Исходный код содержит информацию, не визуализированную на экране. Например, имя разработчика и название программы для веб-дизайна...

– И там есть что-то полезное?

Глаза Данте заблестели.

– В нашем случае это старый адрес электронной почты Хоссейна. Провайдер давно загнулся. Я не могу просмотреть содержимое ящика без помощи почтовой полиции, но, если забить адрес в поисковики соцсетей, возможно, всплывет его аккаунт.

Одна из его не совсем легальных программ позволяла проверить сразу все соцсети, включая те, что закрылись или

дышали на ладан.

Полученный через несколько секунд результат оказался для Данте неожиданностью.

– Смотри-ка, «MySpace», – сказал он. «MySpace» был одной из первых соцсетей «Веб 1.0», которой до сих пор пользовались некоторые особенно страстные любители музыки.

– Вот так совпадение! – отозвался Альберти. – У меня тоже там аккаунт.

Данте передал ему ноутбук:

– Тогда зайди через свой аккаунт, чтобы мне не пришлось создавать новый. Хоть рука пока передохнет.

Альберти повиновался. Страница, заведенная им под псевдонимом Руки Блу, содержала сотню музыкальных сэмплов, которые он сочинял по ночам. Он не терял веры, что служит в полиции временно и однажды сможет целиком посвятить себя сочинению музыки. Сочинению, а не *исполнению* – сцены Альберти боялся. Молодой человек кликнул на одну из композиций, и салон наполнила электронная музыка.

– Нравится?

Данте пришел в ужас:

– Разве мы не торопимся?

– Могу сделать потише.

– Нет.

Альберти выключил музыку и зашел на страницу Хоссейна.

– Он не заходил сюда четыре года, – прочел он.

Данте задумался: выходит, Хоссейн не посещал сайт с тех пор, как выложил аватарку, на которой красовался в берете «Черных пантер».

– Его старая жизнь, – сказал он.

– Но почему он не удалился? – спросил Альберти.

– Скорее всего, просто забыл. Аккаунт привязан к старой почте, и Хоссейн не видел уведомлений. Что еще тут есть?

– Посмотрим... – Альберти начал прокручивать страницу вниз, а Данте еще привольнее разлегся на сиденье и закурил последнюю сигарету в пачке: неплохо, когда у тебя есть личный помощник. – Помимо фото, Хоссейн выложил три танцевальных микса. Хотите послушать?

– Ни за что на свете.

– У него в друзьях несколько диджеев. Арабы, американцы... Проверить их?

– Только если совсем отчаемся. Есть среди них итальянцы или резиденты Италии?

– Мм... Человека три-четыре.

– Вот их и посмотрим.

– Двоих диджеев я знаю. Они не очень знамениты, но неплохо сводят. Хотите...

– Нет. Дальше?

– А вот какой-то дилетант. Не выложил ни одного трека, кроме единственного прошлогоднего видеоролика. Живет в Риме.

– Посмотрим, – выпрямился Данте.

Альберти щелкнул по ролику, снятому на мобильник чьей-то трясущейся рукой. Человек десять танцевали под техно на квартирной вечеринке. Перед объективом извивался худощавый паренек в диджейских наушниках и с бутылкой явно не халяльного пива в руке. Данте перевел воспроизведение в замедленный режим, сосредоточившись на движениях его рук и головы.

– Возможно, это он.

Альберти выпрямился так быстро, что стукнулся головой о крышу машины.

– И вы так запросто это говорите?

– Я сказал «возможно». Попробуйте выяснить, кто он такой.

Альберти выскочил из автомобиля, и три амиго схватились за телефоны, упрасывая об одолжении всех знакомых коллег. Как выяснилось, подавшимся в балет диджеем, зарегистрированным в «MySpace» под ником Муста, был Мохаммед Фауци – итальянский гражданин, рожденный в Риме в семье Хамзы Фауци и Марии Аддолораты Пьомбини. Двадцатипятилетний Муста имел судимости за пьяную драку и хранение наркотических средств с целью сбыта, а однажды был оштрафован за вандализм: парень оставил свой тэг на стене муниципального здания. Ни о каких подозрительных связях Фауци – ни с преступниками, ни тем более с исламскими экстремистами – полиции не было известно.

Данте изучил его фотографии, сделанные при задержаниях, на своем айпаде.

– Теперь вы убедились? – спросил Эспозито.

– Пока я знаю не больше, чем раньше, – ответил Данте.

Социальные службы сообщили им, где работал Муста, а отдел по борьбе с наркотиками – где его взяли за торговлю гашишем. Оба места находились на окраине, в квартале под названием Малаволья. Все четверо набились в провонявший табакотом автомобиль и со включенной сиреной поехали по римским улицам. Хотя погода испортилась, стекла пришлось опустить: Данте желал, чтобы его обдувал ветер. Он ехал, зажмурившись и ухватившись обеими руками за ремень безопасности, и принимался стонать всякий раз, как машина разгонялась больше чем до сорока километров в час. Через каждые пару километров он требовал остановиться и выходил, чтобы успокоиться и размять ноги, а во время остановок изучал социальные сети Мусты: скорее всего, мальчишке и в голову не приходило кого-нибудь прикончить. Данте не умел читать мысли, тем более по фотографиям в «Фейсбуке», и все-таки не мог представить, как этот паренек нажимает на кнопку, активируя баллон с цианидом.

– По-вашему, он похож на террориста? – словно угадав, о чем он думает, спросил Гварнери. – Этот барыга и пьяница?

– Религия может воспламенить кого угодно, – ответил Данте.

Только вот Муста нисколько не походил на фанатика, и

раскопанная им информация вовсе не заставляла подозревать парня в неуравновешенности. И все же Данте был уверен, что не ошибается. Осанка у Мусты была точь-в-точь как у одного из террористов – того, что был пониже ростом и хуже говорил по-арабски.

Расспросы в транспортно-экспедиционной компании, где Муста работал грузчиком, и в иммигрантском баре, где его задержали с гашишем, ничего не дали, но молоджавому Альберти удалось выдать себя за его приятеля и, не вызвав подозрений, разузнать, что Мусту не видели уже пару дней. Осталось навестить его по месту жительства – в муниципальном доме на двести тесных, как соты, квартир, большинство жильцов которых занимали их нелегально. С ним проживали брат Марио Нассим и мать – служащая машиностроительной компании. Его отец вернулся в Марокко, когда Муста был ребенком, и с тех пор семья его не видела.

Они припарковались недалеко от дома, похожего на обожженный солнцем бетонный холм. Перед заставленным велосипедами входом в подъезд, дожидаясь ужина, с адским гвалтом играла ватага детей всех народов. На улице, идущей вдоль заросшей сорняками пустоши, стояло еще шесть почти неотличимых домов. В радиусе километра не горело ни одной вывески магазина или бара, и зрелище напомнило Данте местную версию антиутопии «Побег из Нью-Йорка».

Эспозито взял его под локоть и оттащил на несколько шагов от остальных.

– Нам с вами нужно кое-что прояснить. Фауци может быть вооружен, и нам необходимо соблюдать осторожность. Согласны?

Данте кивнул.

– Здесь живут в основном негры и цыгане. Совать нос в чужие дела не в их интересах, – продолжал Эспозито. – Но если они увидят, как мы вышибаем дверь, то могут и вызвать полицию. Ясно?

– Вы хотите быть уверенным, что риск оправдан.

– Если Фауци – тот, кто нам нужен, нам и слова никто не скажет, но, если он ни в чем не виноват, у нас будут проблемы.

Данте замялся. Еще не поздно было прекратить это безумие и избавить их всех от уймы неприятностей. Но он уже взялся за дело, и гордость не позволяла ему отступить.

– Я вполне уверен в своей правоте, – наконец сказал он. – Но если бы я никогда не ошибался, давно стал бы богатым человеком.

Эспозито хитро прищурился:

– Говорят, вы немало дерете за консультации.

– Недостаточно, – ответил Данте. Не говоря уже о том, что он не работал несколько месяцев.

Эспозито закурил и, не сводя глаз с подъезда, предложил ему сигарету. Данте на миг увидел его таким, каким тот был в молодости, прежде чем собственные недостатки пустили жизнь инспектора под откос.

- Что будем делать, если Фауци нет дома? – спросил он.
- Нам хана, если не найдем в квартире ничего стоящего.
- Например, баллон с цианидом?
- Было бы идеально.

Эспозито подошел к сослуживцам. Альберти уже успел поболтать с соседскими детьми и выяснил номер нужной квартиры.

- Тринадцатый этаж, первая дверь от лифта.

Вынув из кобуры пистолет, Эспозито передернул затвор и спрятал пушку во внешний карман куртки.

- Пошли.

Двое его товарищей тоже зарядили пистолеты. У Альберти тряслись руки.

- Так и пойдем без бронежилетов? – спросил он.

– Хочешь спалиться прежде, чем войдешь в дверь? – спросил Эспозито.

– А вдруг он поджидает нас с «калашниковым»? – спросил Гварнери.

– Вот именно. Если мы явимся в жилетах, он будет целиться в голову.

– Я все равно надену, – заявил Альберти, направившись к автомобилю, и товарищи тут же решили последовать его примеру.

Когда Гварнери и Эспозито вошли в подъезд, Данте придержал Альберти за локоть.

- Уверен, что готов? – спросил он молодого человека. –

Ты и так через многое прошел.

Альберти поморщился.

– Вот именно. Я хочу видеть, чем все закончится, – сказал он и исчез в подъезде.

«А я – нет», – подумал Данте. У него сложилось стойкое впечатление, что концовка ему не понравится.

4

Три амиго поднялись на лифте на двенадцатый этаж и, стараясь двигаться как можно тише, преодолели последний пролет пешком. На пропахшей готовкой лестнице дети не играли, и покой нарушал только гулко отдающийся в шахте шум телевизоров и стереосистем.

На площадке Эспозито достал оружие и, держа его в обеих руках, нацелил на дверь, а Гварнери подпрыгнул и ударил ногами по двери рядом с замком. Дверь с треском распахнулась. Гварнери приземлился на ноги и, выставив перед собой пистолет, вбежал в квартиру. Сослуживцы бросились за ним.

– Стоять! Руки вверх! – хором закричали они тем, кто, возможно, находился внутри.

Из комнаты на неверных ногах вышел окутанный облаком гашиша двадцатилетний растаман в майке и трусах, всящий раза в два больше подозреваемого.

– Э? – успел сказать он, прежде чем Эспозито одним ударом сшиб его на пол.

Прошло десять минут с тех пор, как полицейские вломились в квартиру. Данте, до колик нервничая, дожидался у подъезда. Наконец лифт зашумел, и во двор вышел Альберти. От бронезилета он уже избавился.

– Его нет дома, – сообщил молодой человек.

– Столько трудов понапрасну. А как насчет подозрительных баллонов?

– Пока ничего не нашли. Но там его брат. Говорит, ему ничего не известно. Будем благодарны, если вы сможете подняться и помочь. Если можно, поскорее.

Данте заглянул в разинутую пасть темного подъезда.

«Господи, а я-то надеялся этого избежать», – подумал он.

– Включи везде свет.

– В квартире?

– В здании. Поднимемся на своих двоих.

– На тринадцать этажей?

– Если ты думаешь, что я могу подняться туда в подвешенной на тросы железной коробке, ты сильно ошибаешься. – Достав пару таблеток ксанакса, Данте раздавил их между двумя монетками и под негодующим взглядом Альберти втянул в себя порошок. – Так быстрее подействует.

– Ну, раз вы так говорите... – неуверенно произнес парень.

Препарат словно пыльным мешком прибил Данте уже на втором этаже. Тело будто очутилось в свинцовом скафандре,

а мысли ползли как улитки. Шевелить ногами становилось все тяжелее, и следующие двадцать маршей Альберти пришлось протащить зажмурившегося, бессвязно мямлящего Данте на себе.

Когда они с ноющими ногами ввалились в квартиру Фауци – двухкомнатную каморку площадью пятьдесят квадратных метров с развешенными по стенам дешевыми картинками и фотографиями, – им показалось, что там пронесся ураган. Повсюду были разбросаны одежда, книги и грошовые безделушки.

– А вы не больно-то торопились, – сказал Эспозито, заметив их на пороге.

Он разрезал кухонным ножом обивку дивана. Их с Гварнери бронежилеты валялись в куче разобранной мебели. На полу в коридоре со скованными за спиной руками лежал брат Мусты Марио Нассим. Из носа у него шла кровь, а все тело покрывали псевдоблатные татуировки, которые наделали бы ему немало проблем в тюрьме.

Оглядевшись по сторонам в надежде, что у него ксанаксные галлюцинации, Данте вошел в комнату, которую делили братья. Спальня превратилась в свалку распотрошенных матрасов и разобранных спортивных тренажеров, которые были свалены в углу вместе с DVD-дисками, фигурками супергероев и какими-то объедками. Там же лежала явно не подлежащая восстановлению приставка «Плэйстейшн-3».

– Вы всегда проводите обыск таким образом? – спросил

он, еле шевеля картонным языком.

– Да, если торопимся, – отозвался Гварнери, вытряхивая содержимое из последнего ящика шкафа. – Вы чем-то недовольны?

Данте был недоволен многим – прежде всего самим собой.

– Что-нибудь нашли?

– Только пыль и микробы.

В комнату с мрачной физиономией вошел Эспозито:

– Такая же фигня. А значит, нам должен помочь наш новый приятель. – Эспозито наклонился над мальчишкой в наручниках, который распластался по полу, как стопятидесятикилограммовый шмат салями. Из-под его сползших трусов торчали огромные волосатые ягодицы. – Ты мусульманин, Марио?

– А что, похож на харе-кришну? – отозвался тот.

Эспозито отвесил ему подзатыльник:

– Не умничай и отвечай на вопросы. Ты мусульманин?

– Да.

– А как насчет твоих дружков, которые убили столько народу в поезде?

– Они мне не дружки.

– А твой брат? Он тоже мусульманин?

– Он иногда молится.

– Где он?

– Говорю же, не знаю. Он уехал на работу и еще не возвращался.

– На работу он не ходил, умник.

– Мне он ничего об этом не сказал.

Эспозито выпрямился и подозвал Гварнери:

– Помоги отнести его в ванную.

Глаза парнишки расширились от ужаса.

– Что вы хотите со мной сделать?

– Искупаем тебя. Может, побелеешь. – Эспозито и Гварнери подхватили его под руки. Мальчишка попытался вырваться, но Эспозито двинул ему локтем под дых, и тот упал бы, если бы его не поймал Гварнери.

– Вздумаешь брыкаться, только хуже будет, – сказал ему полицейский.

Часть Данте советовала ему не вмешиваться. Если брат террориста отказывается сотрудничать, легкая трепка – самое малое, что может с ним случиться. Но то была лишь крошечная его часть.

– Отпустите его, – сказал он.

– Не волнуйтесь, это наша работа, – откликнулся Эспозито.

– Я сказал, отпустите его. Я не шучу.

Эспозито бросил мальчишку и подошел к Данте вплотную:

– Этот урод узнает, что мы его навещали. Либо берем его сейчас, либо прости-прощай.

Данте спрятал руки в карманах, чтобы скрыть дрожь.

– Вы правы. Но ваши методы неприемлемы.

– Если вам не нравятся наши методы, можете провалиться, откуда пришли.

Поняв, что необходимо сменить тактику, Данте обратился напрямую к парню:

– Господин Фауци... У меня есть очень толковый и въедливый адвокат. Я помогу вам составить заявление о жестоким обращении со стороны полиции. И буду свидетельствовать в вашу пользу. – Он уставился на полицейских; Гварнери и Альберти выглядели смущенными, а Эспозито пришел в ярость. – Трое против двоих – численное преимущество на вашей стороне. Но что-то подсказывает мне, что в суде победим мы, – сказал он.

– Вы сумасшедший? – спросил Гварнери.

– Вообще-то, да, но не сегодня. И я не собираюсь допускать издевательства и пытки водой. Если вам непонятно почему, то и объяснять бесполезно.

– Может, он и прав... – нерешительно сказал Альберти.

Эспозито толкнул его в грудь:

– Тебя забыли спросить, пингвин. Ты и так меня уже достал сегодня. – Он шагнул еще ближе к Данте. – Госпожа Каселли вас очень уважает, Торре. Но если будете вставлять нам палки в колеса, ничем хорошим это для вас не закончится.

– Ладно, Эспозито, не делай из мухи слона, – пробормотал Гварнери.

Данте знаком показал ему, чтобы не вмешивался. Он не

нуждался в защитниках.

– Вы готовы меня убить, инспектор Эспозито?

– Что за хрень вы несете?

Данте снял с изуродованной руки перчатку, и Эспозито передернуло от отвращения.

– Меня пытали на протяжении тринадцати лет жизни. Пытали холодом и жарой, голодом и жаждой. Меня калечили. Если хотите меня остановить, вам придется изобрести что-то похуже. Думаете, у вас получится?

– Вы отдаете себе отчет, что, если этот кусок дерьма не найдется, всех собак спустят на нас? – спросил пристыженный Эспозито.

– Да. Поэтому мне нужно провести десять минут с его братом. – Данте не был уверен, что продержится так долго. Как бы он ни старался удерживать взгляд на небе за открытым окном, в четырех стенах он задыхался.

– Хотите испробовать на нем свои фокусы? – спросил Гварнери.

– Я не показываю фокусы. Но да, хочу.

– Тогда поторапливайтесь, – сказал Эспозито и вышел из комнаты.

Остальные полицейские последовали за ним. Альберти, шедший последним, заговорщически подмигнул. Данте склонился над парнем, помог ему подняться и усадил на остов кровати, а сам сел рядом и предложил ему сигарету.

– Хороший полицейский, плохой полицейский? – спросил

Марио.

– Я не коп, но идею ты ухватил. – Данте прикурил обе сигареты.

– Мать с ума сойдет, когда увидит, во что вы превратили квартиру.

– Мне очень жаль, – искренне сказал Данте. – Но у твоего брата неприятности.

– Что он натворил?

– А сам как думаешь?

Голос Марио стал выше на октаву.

– Поезд?

– Похоже на то.

– Мой брат не террорист. Какие там убийства, он и драться-то не умеет.

– Когда ты в последний раз его видел?

– Рано утром. По телику показывали новости про теракт.

Мама спала.

– И как он отреагировал?

– Не знаю... Он выглядел встревоженным. Напуганным.

А потом начал пить. – Мальчишка наклонился к Данте. – Он ничего не знал! Клянусь.

Данте пристально посмотрел на парня и понял, что тот говорит правду.

«Ну и дела», – подумал он.

– Жди меня здесь.

– А куда, по-вашему, я денусь? – грустно отозвался Ма-

рио.

Данте присоединился к трем амиго, которые как раз заканчивали потрошить кухню.

– Уже добыли признание? – с сарказмом спросил Эспозито. – А может, дымящийся баллончик?

– Мне нужно поговорить с Коломбой. Вы знаете, как продвигаются ее дела?

– Без изменений, – ответил Альберти.

– Но нам пора двигать отсюда, – сказал Гварнери. – Уже звонили из участка. Мы должны вернуться. Нас тоже допросят о случившемся.

– Прямо сейчас?

– Мы постарались выгадать время. Но у нас максимум пара часов.

«Ситуация продолжает усложняться», – подумал Данте, удалившись на балкон в ванной. На свежем воздухе ему полегчало, но он старался не смотреть вниз, чтобы не закружилась голова. Он позвонил Коломбе в «Снэпчат», и через пару секунд она взяла трубку.

Коломба стояла на лестнице в спортзал: ей пришлось проводить туда Спинелли и криминалистов, чтобы объяснить им обстоятельства перестрелки.

– Скажи, что у тебя есть новости.

– Думаю, я нашел одного из двоих.

У Коломбы перехватило дыхание. В глубине души она не верила, что Данте это удастся – уж точно не так быстро.

– Ты уверен?

– Я ведь тебе позвонил...

– Кто он?

– Муста Фауци, двадцать пять лет. Ни на психа, ни на фундаменталиста не похож. Проблемы с законом у него были, но незначительные.

Изумленная Коломба поднялась в безалкогольный бар, перескакивая через ступеньки.

– На моей памяти самые уважаемые люди творили ужасные вещи.

– У Мусты нет никаких признаков одержимости. Он в нормальных отношениях с братом и матерью и, как большинство его сверстников, пьет и принимает наркотики. Ко-Ка, что-то не сходится.

На несколько секунд Коломба перестала слушать.

– Вы что, вломились к нему домой? – упавшим голосом спросила она.

– Да.

– А меня не подумали предупредить?

– Ты доверила мне эту работу, и я справляюсь с ней, как умею, – обиженно ответил Данте.

Коломба вытерла вспотевший лоб:

– Я поговорю с магистратом и попробую достать ордер на обыск.

– Без доказательств? Ты сама сказала, что тебе никто не поверит.

Коломба стиснула телефон с такой силой, что затрещал корпус.

– Я думала, ты хотел свалить при первой же возможности. Что случилось? Внезапно развилось чувство гражданского долга? – спросила она и немедленно пожалела о своих словах. Ведь она сама к нему обратилась. – Прости.

– Не извиняйся. Я понимаю, у тебя есть причины волноваться. Но прежде чем выбрасывать белый флаг, дай мне попробовать разобраться. – Начав допрашивать брата Мусты, Данте почувствовал, что внутри у него нарастает странное возбуждение. Это ощущение возникало у него всякий раз, когда загадка начинала распутываться на глазах. Он чувствовал, что в сумраке прячется что-то темное, пугающее и влекущее. – Через два часа твои люди должны предстать перед магистратом. Дай мне эти два часа. Ты бы потратила больше времени, пытаясь переубедить свое упрямое начальство.

В этот момент по ступеням грузно поднялась Спинелли.

– Госпожа Каселли, можем начинать? – спросила она.

Коломба лихорадочно соображала.

– О'кей. Но больше никаких рейдов и обысков без меня, ясно? Два часа, и закругляемся, – вполголоса сказала она и отключилась, не дав Данте попрощаться.

Коломба последовала за Спинелли в безалкогольный бар, и они, прогнав двух оперативников, сели за столик.

Данте с закрытыми глазами прислонился к перилам балкона и закурил очередную сигарету.

«Два часа – не так уж много», – сказал себе он. Но если он прав насчет Мусты, двух часов им хватит за глаза. Как известно, мелкие рыбешки всегда попадают на сковородку.

5

Мусту предупредил ребенок – пятилетний сын соседей. Мальчик, возившийся с игрушечным пластиковым телефоном возле гаража, где Муста пристегнул мопед, пробормотал ему что-то вроде «дяденьки».

– Что ты сказал, малявка? – спросил Муста, стараясь вернуться на планету Земля. От страха его котелок совсем перестал варить.

– Тебя дяденьки ищут.

Со дна желудка поднялась отдающая пивом изжога.

– Какие дяденьки? – проямлил Муста.

– Не знаю. У них штуки на животе.

Мальчик описал мужчину, и Муста понял, что тот говорит о бронезилетах.

– Они еще здесь?

– Не знаю.

– Никому не говори, что видел меня, – велел Муста и отправился туда же, откуда приехал, но уже пешком. На мопеде стояли номера, хотя он и был зарегистрирован на имя его матери.

Он пробежал через двор, не сомневаясь, что конец его

страданиям положит град пухля. Но этого не случилось, и он оказался на улице. Муста старался убедить себя, что мальчик все придумал, но в глубине души знал, что это правда.

Он в розыске. Случилось самое худшее.

«Allahumma inni ‘a’udhu bika mina lkhubthi wa lkhaba’ith. Аллах, убереги меня от скверны». Этой присказке научил его отец. В детстве Муста должен был произносить ее всякий раз, как заходил в общественный туалет, но теперь посчитал, что более подходящей молитвы и быть не может. Хотя было слишком поздно.

Скверну он уже сотворил.

Муста скрепя сердце выбросил мобильник и, надвинув на нос капюшон толстовки, пошел по улице, ведущей от многоквартирных домов в другой конец квартала. Он думал о своем отце, где бы сейчас ни находился этот ублюдок. Отец был непоколебимо убежден, что после смерти каждый получит воздаяние по делам своим. Мусте тоже хотелось верить в существование высшего существа, способного его спасти. Утром он даже попытался молиться, но его движения показались ему самому холодными и неискренними. Он был не похож на брата, который даже соблюдал Рамадан. Муста хотел получить прощение, но не верил, что это возможно.

Он продолжал идти по самым безлюдным улицам, избегая взглядов прохожих, пока не оказался перед Динозаврами. Разумеется, динозавры были не настоящие – так Муста с друзьями называли необъятные скелеты двух брошенных

недостроенных домов. Ночами ребята приводили туда своих девушек, чтобы немного потискаться, а то и потрахаться, если повезет. Недалеко от Динозавров жил Фарид.

Его друг.

Человек, который втянул его в этот кошмар.

Он поселился в здании разорившегося магазина мебели для ванной после смерти его владельца и обставил свое логово скрипучим диваном из «ИКЕА», старым телевизором и магнитолай, которая вечно заедала диски.

«Куплю себе все новое, – всего два дня назад говорил ему Фарид. – Хочу шестидесятидюймовый телик, изогнутый такой, типа „Трони“, и беспроводные колонки, которые подключаются через Интернет».

«У тебя дома нет Интернета», – ответил ему Муста.

Фарид подмигнул: «Ничего, установлю на заработанные деньги».

Работа. Точно. Всего лишь видеоролик, говорил Фарид. Будет весело. Отличный прикол.

Как он мог не почуять кидалово?

«Что скажет мать, когда узнает? – думал Муста. – Что скажут люди?» Кто-то, конечно, посчитает его героем. Но он просто трус, которому суждено плохо кончить.

«Allahumma inni ‘a’udhu bika mina lkhubthi wa lkhaba’ith».

Мебельный магазин находился в старом, построенном еще в шестидесятые здании с раздувшимися от сырости стенами, которое выходило на площадь с пестрящей граффити

колоннадой. Муста вошел в ветхую деревянную дверь сбоку от закрашенной черной краской витрины и оказался в бетонном коридоре, ведущем во внутренний двор. В середине коридора находилась задняя дверь магазина – попасть к Фариду можно было только через нее, поскольку переднюю он наглухо запер рольставнями.

Муста постучал. Лампочки во дворе перегорели много лет назад, и он был уверен, что в темноте никто из немногих жильцов дома его не увидит. В магазине было тихо, и он отошел, чтобы заглянуть в витрину, зная, что, если потрет затемненное стекло слюной, сможет разглядеть комнату, как в линзу «рыбий глаз». Сквозь закрашенную витрину проникали отблески закатного солнца, и ему показалось, что внутри никого нет. Прижав нос к стеклу, чтобы расширить поле обзора, он различил затылок Фариды над спинкой старого тяжеленного офисного кресла, которое они вместе притащили со свалки. Теперь кресло было придвинуто к стене, и Фарид сидел, как наказанный. Он не мог не слышать стук.

«Сукин сын, – подумал Муста. – Хочет бросить меня в этом дерьме одного».

Со злостью, пришедшей на смену страху, он вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Фарид продолжал не шевелясь смотреть в стену.

– Какого хрена ты делаешь? Почему не открываешь? – спросил Муста.

Голова Фариды дернулась. Не добившись ответа, Муста

испугался, что его друг настолько обдолбан, что не может говорить. Он подошел к нему и резко толкнул спинку кресла:

– Понимаешь ты, что копы нас нашли? Скажи что-нибудь, твою мать!

Кресло повернулось на гидравлической ножке, и Муста оказался лицом к лицу с Фаридом. Парень плакал навзрыд, его рот перекосялся от ужаса.

– Прости... не хотел... прости... – всхлипывал он. Его запястья были примотаны к подлокотникам скотчем.

Не успел Муста опомниться, как кто-то с силой схватил его за горло.

– Молодец, что зашел. Избавил меня от труда тебя разыскивать, – прошептал женский голос, а в следующее мгновение его череп взорвался болью. В глазах помутилось, и он успел только подумать, что ему так и не удалось попрощаться с братом.

6

Марио отвел глаза от айпада, не досмотрев ролик до конца.

– Выключите, пожалуйста, – прошептал он.

– Твой брат – тот, что слева, но ты уже и сам это понял, – не останавливая видео, сказал Данте. Время было на исходе – как для Мусты, так и для него самого. Его лоб покрылся капельками пота, а стены сдвигались все ближе.

– Я не верю. Должно найтись какое-то объяснение.

– Единственный, кто может все объяснить, – сам Муста.

Поэтому мы должны его найти.

Как всегда в минуты волнения, голос парня стал визгливым.

– Вы хотите его убить!

– Если он сдастся, с его головы и волоса не упадет.

– Для таких, как мы, все всегда заканчивается дерьмово...

И всем насрать. Сегодня уже застрелили имама.

«Поэтому мы и здесь, дорогуша», – подумал Данте. Выключив ролик, он бережно приподнял парню подбородок и заглянул ему в глаза:

– Марио, обещаю, я сделаю все, чтобы помочь твоему брату. Но ты должен помочь мне.

Мальчишка как будто решил что-то сказать, но затем плотно сжал губы и потупился.

– Любая мелочь может оказаться полезной. Прошу тебя.

Взгляд парня метнулся к открытому окну, выходящему на засаженную антеннами крышу соседнего дома. Движение было мимолетным и непроизвольным, но Данте его вполне хватило. Он позвал Альберти.

– Проверь окно, пожалуйста, – сказал он молодому полицейскому.

– Его уже осмотрел Гварнери.

– Не изнутри. Снаружи.

Альберти оцепенел:

– А вдруг я упаду?

– Ну попроси кого-то из товарищей. Надеюсь, хоть из одного из вас выйдет скалолаз.

Альберти не упал. Он по пояс высунулся из окна, держась за батарею, но ничего не нашел, пока Данте не заставил его вылезти на карниз. Под расшатанным облицовочным кирпичом лежал пластиковый пакетик с травой и свернутые в трубочку пятидесятиевровые купюры на общую сумму в две тысячи евро.

Альберти взвесил пакетик в руке.

– Минимум десять граммов. Достаточно, чтобы отправить тебя за решетку, – сказал он, повернувшись к Марио.

– Дай-ка на секунду, – попросил Данте, и как только пакетик оказался у него в руке, вышвырнул его в окно.

– Эй! – возмущенно закричал Альберти.

– Только глупый закон запрещает зелень, – сказал Данте. – Мы с Марио пытаемся сотрудничать. Правда?

Парень неуверенно кивнул.

– Это для личного пользования, – пробормотал он.

– А деньги? – спросил Альберти. – Тоже для личного пользования?

– Это не мои. Это Мусты.

– Наварил на торговле наркотой?

– Нет.

Данте пристально посмотрел на Марио.

«Правда», – решил он.

– При его роде занятий много не скопишь, – сказал Данте.

– Он нашел халтуру, – неохотно пояснил Марио.

«Правда».

– Какую?

– Не знаю. Он отказался рассказывать.

«Правда».

– Ты знаешь, кто его нанял?

– Нет.

– Врешь, – выдохнул Данте. Ему ощутимо не хватало кислорода. – Ты знаешь, кто это, но не хочешь говорить. Либо это твой друг, либо ты боишься причинить брату еще бóльшие неприятности, – продолжил он, не отрывая взгляда от парня. – Давай сыграем в игру. Можешь не называть его имя. Просто подумай, как его зовут.

– Я не знаю...

– Тсс... – перебил Данте. – Подумай, и все. Я знаю, ты стараешься. А теперь слушай. Его имя начинается с буквы «А»? С «Б»? – Данте перечислял буквы алфавита, пока не остановился на «Ф». – О'кей, имя начинается с «Ф». Проверь знакомых Мусты, – велел он ошеломленному Альберти. Гварнери зачарованно, как за заклинателем змей, следил за Данте из коридора.

– Не надо проверять, – сдался Марио. – Его зовут Фарид. Но он мне не друг.

– Он тебе не нравится.

– Послушать брата, так Фарид сам земной мессия, но он

обыкновенный придурок. – Парень помотал головой. Его дреды закачались из стороны в сторону. – Вбил Мусте в голову всякое дерьмо. Раньше брат не пил и не ел свинину. А теперь ему на все плевать.

– Значит, этот Фарид не слишком хороший парень.

– Да, но Муста поклялся мне, что работа чистая.

«Правда. По крайней мере, сам он в это верит», – подумал Данте.

– У тебя есть его фото? – спросил он.

– На телефоне. Ваши коллеги его у меня забрали.

Данте распорядился, чтобы парню вернули телефон и сняли с него наручники. Никто из полицейских не попытался ни протестовать, ни возмущаться, и Данте понял, что угроза пыток позади.

Покопавшись среди селфи, Марио показал ему снимок, на котором между ними с братом стоял кудрявый парень со светлыми глазами. Выглядел он на несколько сантиметров выше и на несколько лет старше Мусты, да и кожа у него была потемнее.

Через минуту Данте с полными слез глазами побежит вниз по лестнице на свежий воздух, спотыкаясь и чертыхаясь на каждой ступеньке, а через пять растянется на плешивой лужайке, глядя в черное небо. Но сейчас его окатило волной возбуждения, смывшей все страхи и тревоги.

Вторым мужчиной из видеоролика был Фарид.

Коломба дожидалась, пока магистрат закончит строчить в своем блокноте. Анджела Спинелли, склонившая голову с бело-голубыми волосами над столом безалкогольного бара, писала невыносимо медленно.

– Кажется, я рассказала вам все, – нетерпеливо сказала Коломба.

Магистрат откинулась назад, скрипнув спинкой стула.

– Госпожа Каселли, с тех пор как вы вернулись на службу, мне хотелось задать вам один вопрос. Он не имеет прямого отношения к настоящему расследованию, но мне нужно кое-что понимать.

«Да, только поторопись. У меня дел по горло». Коломба не могла не думать о Данте и трех амиго. Неизвестно, что еще они могут натворить.

– Спрашивайте.

– Почему вы до сих пор при исполнении?

Лицо Коломбы осталось невозмутимым.

– Я пропустила конец смены.

– Не притворяйтесь, что не понимаете. Я старше вас.

– Это моя работа. Обстоятельства чрезвычайные. Что тут еще скажешь?

– Сказать можно многое. Вы проводили осмотр поезда, заваленного трупами, рисковали погибнуть от отравления га-

зом, а потом, вместо того чтобы передохнуть, снова вышли на службу. Вам не кажется, что вы чересчур надрыгаетесь?

– Хотите сказать, что я трудоголик?

– Не совсем, – уклончиво сказала Спинелли. – Вы не впервые применяете оружие.

– Да, не впервые.

– Сколько раз вы участвовали в вооруженных конфликтах до перевода в Рим?

Коломба поджала губы:

– Всего однажды. Во время службы в палермском отделе по борьбе с наркотиками я застрелила грабителя.

– Затем за один год вы успели пережить два взрыва, один из которых закончился гибелью начальника мобильного подразделения Ровере, и поучаствовать в перестрелке при освобождении Данте Торре, во время которой лишились жизни двое преступников и был ранен их сообщник. И это не считая сегодняшних событий.

Глаза Коломбы потемнели, как болотная вода.

– К чему вы клоните, госпожа Спинелли?

– В вашей жизни произошел водораздел – дело Отца. И теперь служительница закона, которой вы были ранее, вынуждена иметь дело со служительницей закона, которой вы стали сейчас. Я думаю, что никому не под силу пережить столь суровые испытания, не понеся бремя последствий. Бремя, на которое вы, похоже, старательно закрываете глаза.

– Я не закрываю на него глаза. Но оно никак не повлияло

на мою способность к здравому суждению. Меня осмотрели и оценили.

– Невозможно лишить жизни даже одного человека, не получив тяжелой травмы. В римской полиции работают первокласные психологи, но вы даже не подумали обратиться к ним за помощью.

«Чтобы все мои сослуживцы решили, что я сумасшедшая. Только этого мне не хватало».

– Потому что я в ней не нуждалась.

Спинелли разочарованно поморщилась:

– Вы знаете, откуда человек, которого вы убили, достал свое ружье?

Резкая перемена темы застала Коломбу врасплох.

– Нет.

– Около полугода назад посетитель этого центра убил жену. Он признался и после ускоренного разбирательства был осужден за предумышленное убийство. Ружье принадлежало ему. Оно зарегистрировано на его имя.

Коломба вздрогнула:

– Это я его арестовала. Но я не знала...

– Вы проводили обыск в квартире, где было совершено убийство? – перебила ее магистрат.

– Да. Оружия там не было, иначе я бы его конфисковала.

– Все это время ружье было спрятано в тайнике мечети.

Вы отдавали распоряжение его разыскать?

Коломба порылась в памяти. Приказывала ли она найти

ружье? Этот человек задушил свою жену. Неужели ей не пришло в голову проверить, владеет ли он оружием?

– Я не помню. Нужно свериться с отчетом.

– Прошло всего шесть месяцев.

– Я же сказала, не помню! – Коломба повысила голос и попыталась взять себя в руки. – Я тогда только вернулась на службу, мне было... – Она запнулась.

– *Тяжело?*

Коломба вонзила ногти в ладони: не хватало только поругаться с магистратом.

– Я должна была заново освоиться.

– Но вы, возможно, совершили ошибку. Именно потому, что должны были *заново освоиться*.

– Не исключено, – сказала Коломба. – Это была бы не первая и не последняя моя ошибка. Но сегодня я не ошибалась.

Окинув ее долгим взглядом, Спинелли надела на ручку колпачок.

– Увидимся завтра в прокуратуре. Я распорядюсь распечатать ваши показания, чтобы вы их подписали.

– Когда я смогу вернуться к работе?

– Боюсь, не раньше, чем закончится расследование. Используйте это время, чтобы поразмыслить над тем, что в полиции есть должности, которые не требуют применения насилия.

Коломба почувствовала, что у нее горят щеки.

– Хотите перевести меня в архив?

Улыбка Спинелли не предвещала ничего хорошего.

– Я прошу вас только подумать над этим, по крайней мере до тех пор, пока судья предварительного слушания не огласит вердикт. – Магистрат встала и протянула ей руку. – Отдохните.

«Иди на хрен», – подумала Коломба и молча обменялась с ней рукопожатием. Прежде чем уходить, она подождала, пока магистрат и прочие шишки покинут здание, но в ту же минуту в центр вошел начальник полиции, за которым, как цыплята за курицей, следовала группа арабов в штатском. Они направились к лестнице, ведущей в мечеть, и заинтригованная Коломба пошла за ними. С порога спортзала она увидела, как начальник полиции объясняет арабам, как происходила перестрелка. Его голос эхом отскакивал от бетонных стен. Гости кивали, не произнося ни слова.

Коломба развернулась, чтобы уйти, и столкнулась лицом к лицу с сослуживцем в синей боевой униформе. Этот атлетически сложенный мужчина лет сорока запросто прошел бы кастинг для рекламы бритвы.

– Простите, – сказала она и попыталась его обойти.

– Как ты? – спросил мужчина.

Только услышав его голос, Коломба поняла, что перед ней тот самый симпатяга-оперативник, но уже без маски и снаряжения. Она остановилась.

– Я тебя не узнала, – сказала она.

– Поэтому мы и носим балаклавы. Но я сейчас не при ис-

полнении. Ну или почти. Кстати, – он протянул ей руку, – комиссар Лео Бонаккорсо. Твое имя мне, конечно, известно... Коломба, да?

– Точно. Они и тебя допросили?

– Да, я только что пообщался с одним из помощников Спинелли.

– Ты сказал, что я облажалась?

– Нет. Я сказал, что ты заметила то, что должны были заметить мы. – Лео покачал головой. – Ума не приложу, как это случилось. А ведь мы находили мафиози, которые скрывались в самых невероятных местах.

Коломба пожала плечами:

– От мафиози знаешь, чего ждать. У нас же совсем другой случай.

«А ведь схрон уже существовал, когда я приходила сюда в прошлый раз. Еще одна ошибка, в которой меня обвинят».

Она показала на гражданских:

– А это кто такие?

– Делегаты из нескольких умеренных мечетей в провинции, – ответил Лео.

– Операция «Прозрачность»...

– Тебе это даже на руку. Так они поймут, что у тебя не было выбора...

Коломба опустила голову. Наступила неловкая тишина.

– Ты собиралась поговорить с криминалистами? – нарушил молчание Лео.

– Я уже с ними говорила. Я только хотела... понять, что происходит. – Она попыталась улыбнуться. – Мне пора.

– Оставишь мне визитку? Я бы хотел позвонить тебе, узнать, как дела.

– Я оставила визитки дома. Прости, но мне правда надо...

Лео, кивнув, отступил в сторону, и Коломбе удалось ускользнуть, не попавшись на глаза Сантини, который мрачно мерил шагами помещение. Только на улице она вспомнила, что на служебной машине укатили три амиго. Просить кого-то из патрульных подвезти ее до дому было бы неуместно, и она пошла в направлении главной улицы, стараясь держаться подальше от журналистов и демонстрантов. Уже стемнело, и она не слишком походила на собственные фотографии, которые крутили в выпусках новостей. И все-таки осторожность никогда не помешает. По пути Коломба позвонила в «Снэпчат» Данте.

– Просвети меня, – сказала она.

– О'кей... Мы разминулись с пареньком буквально на несколько минут. По словам соседей, он припарковал свой мопед час назад, но в квартиру так и не поднялся. Должно быть, понял, что мы у него. И прежде чем ты снова начнешь отчитывать меня за взлом, хочу напомнить, что нам было некогда сидеть в засаде.

– Знаю. Есть идеи, куда он пошел?

– Поищем дома у его друга.

– Какого друга?

– Приятеля, который подогнал ему какую-то загадочную халтуру. На мой взгляд, эта халтура связана с поездом.

У Коломбы подкосились ноги.

– Ты уверен?

– В данный момент я уверен только в одном: если Альберти сейчас же не научится водить, меня вывернет наизнанку.

– Без меня ничего не предпринимайте, – сухо сказала Коломба. – И дай мне знать, где встретимся.

– Я пришлю тебе «снэп».

Пока три амиго осаждали его вопросами и возражениями, Данте написал у себя на ладони адрес, сфотографировал и отправил Коломбе. Он не знал, прослушиваются ли их разговоры, но, учитывая, сколько раз он уже нарушил закон, не стоило пренебрегать мерами предосторожности.

Увидев на экране мобильного привычное желтое привидение, Коломба открыла фотографию и назвала адрес водителю такси, которое каким-то чудом поймала на дороге. Сразу после этого сообщение удалилось – Данте установил таймер самоуничтожения. На мгновение Коломба почувствовала себя героиней фильма «Миссия невыполнима». Она никогда не понимала, за что Данте так обожает этот боевик. Впрочем, она многого в нем не понимала.

Такси высадило ее на полной заколоченных магазинов площади, в центре которой возвышался самый уродливый фонтан, который Коломба когда-либо видела. Чаша фонтана, расписанного непристойностями и тэгами, была завалена

мусором, а освещался он единственным тусклым фонарем. На одной из прилегающих улиц, рядом с мусорными контейнерами и баром с опущенными рольставнями, дожидались три амиго. Огоньки их сигарет мерцали в темноте, как светлячки.

– Итак? – спросила она, подойдя к ним.

Они вкратце ввели Колумбу в курс дел, прежде всего относительно друга Мусты – некоего Фариды. Фарид Юссеф родился в Тунисе, приехал в Италию с семьей в возрасте четырех лет, со временем получил итальянское гражданство, а также судимости за незаконное владение оружием, мошенничество и кражу. Его осудили на шесть лет за изнасилование, и приговору предстояло вскоре вступить в силу. Ни на одной работе Юссеф не задерживался и регулярно обвинялся в незначительных правонарушениях – по большей части в мелком мошенничестве. Солидный послужной список для парня, которому не исполнилось еще и тридцати.

– Он живет вон там. – Эспозито показал ей на один из закрытых магазинов за галереей. – Неплохо для нелегального жилья. Но мы не знаем, дома ли он.

– Рольставни заперты, – сказал Гварнери.

– Сразу за главным входом в здание находится служебный вход в магазин, – добавил Альберти. – Если мы войдем с той стороны, никто не увидит нас изнутри, а главное, не сможет сбежать.

Колумба еще раз оглядела магазин. Закрашенная витрина

вызывала у нее смутную тревогу.

– Где Данте? – спросила она.

Эспозито показал на машину, припаркованную в десятке метров от них. Коломба подошла к автомобилю и заглянула внутрь. Данте ссутулился на заднем сиденье. Его здоровая рука порхала над ноутбуком, на экране которого сменяли друг друга фотографии терактов. Одновременно он весело трепался с одетым как рэпер пареньком, который был пристегнут наручником к рулю. Коломба поняла, что это брат разыскиваемого. Ей показалось, что Данте выглядит еще более худым и изможденным, чем в их последнюю встречу, однако прежнего лихорадочного блеска в глазах он не утратил.

В последний раз они встречались в феврале в баснословно дорогом пятизвездочном отеле «Империо», где Данте занимал номер люкс. Она тогда занесла ему результаты ДНК-тестов родственников пропавших в Италии детей. Точнее, отсутствие результатов: ни один из образцов не совпал с ДНК Данте.

– Не расстраивайся, – сказала ему Коломба. – Возможно, твои родители объявили тебя пропавшим, но умерли раньше, чем смогли предоставить образец ДНК. С твоего похищения прошло больше тридцати пяти лет, и не исключено, что у них не осталось других родственников. Я еще проверю, не упустили ли чего мои коллеги.

Данте на нее даже не взглянул. Растянувшись на диване у

холодного камина в черной косухе и военных ботинках, он напоминал панка-переростка. За ужином он не притронулся ни к чему, кроме вина, и едва удостоил ее парой фраз.

– Можешь хоть двадцать раз перепроверить, ничего не изменится, – мрачно ответил он, не отрывая взгляда от неба за стеклом террасы. Даже в комнатах с мансардными и панорамными окнами Данте иногда чувствовал, что задыхается. – Я никогда не узнаю, кто я такой, – сказал он. – Отец хорошо потрудился, уничтожая все следы моей истинной личности. *Почти* хорошо, учитывая, что я, в отличие от него, остался жив.

– А ты никогда не допускал возможности, что ты не итальянец? – спросила Коломба.

– Когда брат мне позвонил, в его речи не было ни намека на иностранный акцент. А я замечаю даже самые легкие особенности произношения. Даже когда люди говорят шепотом, как это делал он.

Поняв, что Данте оседлал любимого конька, Коломба постаралась сдержать раздражение. Так называемый брат позвонил ему на мобильник сразу после того, как закончилось расследование по делу Отца. Поскольку звонил он из телефонной будки, отследить его оказалось невозможно. И Коломба, и магистрат сделали вывод, что это был просто глупый розыгрыш. К тому же выводу пришли *все*, кроме Данте.

– Мы говорим об акценте человека, чей голос ты слышал всего две минуты, да и то по телефону. И ты ни разу не об-

щался с ним ни до, ни после этого.

– Звонил мой брат. И у него есть все ответы, которые мне необходимы, – с отсутствующим взглядом ответил Данте.

– В тот момент Отец только что умер и ты сам едва не погиб, – сказала Коломба. – Ты бы поверил, даже представься он Санта-Клаусом.

– Я не настолько внушаем.

– Тогда объясни, зачем он позвонил столько лет спустя. И не сказал ничего, кроме того, что существует и рад, что ты жив.

– Чтобы меня предупредить.

– О чем?

– Не знаю.

– Может быть, у тебя нет никакого брата.

– Он не лгал. Я умею распознавать ложь.

– Но ты тоже можешь ошибаться! Иногда ты заикливаешься на какой-нибудь идее и никаких доводов слушать не хочешь.

– И часто оказываюсь прав. Я бы даже сказал, почти всегда по сравнению с моими собеседниками.

– То есть со мной, – набравшись терпения, вздохнула Коломба.

Данте посмотрел на нее со своей фирменной усмешкой, которая на сей раз была невеселой и жестокой.

– *Особенно с тобой, КоКа.*

Коломба отчаянно старалась не выйти из себя. Данте

был одним из самых умных людей, которых она когда-либо встречала, но постоянно балансировал на грани психотического срыва.

– Данте, я знаю, что я тупица, – сказала она.

– Тупица? Мы спасли десять ребят, которых годами держали взаперти в контейнерах! Люди должны бы выстраиваться в очередь, чтобы помочь мне узнать, кто я такой. А вместо этого ко мне рвутся одни хозяева пропавших кошек. Я не могу даже вернуться в собственную квартиру.

– Хочешь, чтобы тебя увенчали лаврами и нарекли героем?

– Почему бы и нет? Разве мы этого не заслуживаем?

– Мы были героями целый месяц. Пора и честь знать.

В те несколько недель телефон Коломбы разрывался круглые сутки. Сотрудницу полиции, потратившую отпуск на спасение детей, наперебой приглашали во все популярные ток-шоу. Она неизменно отказывалась. Точно так же отказывалась она и от скидок в магазинах, и от кофе, которым ее пытались угощать незнакомцы. Ей хотелось жить дальше, но Данте так и застрял в прошлом.

– КоКа, я не знаю, какой жизнью должен теперь жить. Не знаю, почему брат больше со мной не связывался, не знаю, почему моя ДНК не совпадает ни с кем из пропавших детей. Знаю только, что это не случайность. Кто-то замечает следы Отца.

Вне себя от раздражения, Коломба так резко вскочила,

что сломала каблук на единственной элегантной паре туфель, которые надевала всякий раз, как Данте приглашал ее на ужин в своей гостинице.

– Данте, не нашлось ничего, что подтвердило бы твои теории. Ни-че-го! Тебя похитили еще в семидесятые, какой смысл хранить эту тайну сегодня?

– Тогда почему никто до сих пор не признался в убийстве Джимми Хоффы?⁷ Прошло сорок лет. И его тело так и не нашли. Или самолет на Устике⁸. Кто его подстрелил? Почему нам ничего не говорят? – самым несносным тоном парировал Данте.

– Это разные вещи.

– Конечно, ведь дело касается меня. – Он посмотрел на Колумбу с выражением, которое появлялось на его лице перед тем, как он накачивался таблетками, чтобы заснуть или не смыкать глаз всю ночь. – Не знаю, почему они это делают, и не знаю, почему моя личность так важна. Знаю, что прав. Но не знаю, как это доказать.

– Может быть, ты просто *хочешь* быть правым, Данте.

⁷ Джеймс Риддли Хоффа (1913–1975) – американский профсоюзный лидер, исчезнувший при загадочных обстоятельствах. Его останки не найдены по сей день.

⁸ 27 июня 1980 г. авиалайнер «McDonnell Douglas DC-9-15» итальянской авиакомпании «Itavia», выполнявший рейс по маршруту Болонья – Палермо, рухнул в Тирренское море в 25 км от острова Устика, разрушившись на две части. Все 81 человек, находившиеся на борту, погибли. Среди версий следствия были, помимо прочих, взрыв бомбы и поражение ракетой «воздух – воздух», но причины катастрофы до сих пор не установлены.

– Почему? Чтобы придать случившемуся смысл?

– Да хоть бы и так.

Данте покачал головой:

– Грошова психология. Правда в том, что ты бы со мной согласилась, если бы не мечтала поскорее нацепить полицейскую форму.

«Черт, он знает», – подумала Коломба.

– Кто тебе рассказал?

Данте презрительно взмахнул больной рукой:

– Думаешь, я нуждаюсь в чужих подсказках? Намекну: твои *аперитивы* с Курчо слишком участились. Когда ты собиралась мне сообщить?

– Сегодня вечером, но ты уже был не в настроении.

– И ты знала, что я буду против.

– Данте! Это моя. Долбаная. Жизнь. Я не нуждаюсь в твоём разрешении, – не сдержавшись, выпалила Коломба. Но за ее раздражением стояло чувство вины. Она знала, что Данте посчитает ее решение предательством. – Что, по-твоему, я должна делать? Стать домохозяйкой?

– Ну так иди принимай приказы от тех же людей, которые пытались утаить мою историю.

– Это не те же люди.

– В верхах сидят те же. Решения принимают грязные коррумпированные мерзавцы.

– Нет никаких *верхов*, Данте.

Данте поднялся, чтобы сварить себе эспрессо. Процесс

приготовления был для него настоящим ритуалом: он вручную отбирал нужное количество зерен и всякий раз чистил кофемашину. Кофе ему присылали со всех концов планеты, и в любом его жилище пахло, как в кофейне.

– Когда я был уверен, что Отец еще жив, а весь остальной мир – что он мертв, знаешь, сколько раз мне говорили, что я параноик?

– Даже параноик может оказаться прав. Один раз.

Данте поджал губы.

– Ты хочешь верить, что все в порядке, потому что слишком труслива, чтобы поставить под сомнение всю свою жизнь, – с необычной злостью сказал он. – Ты такая же безмозглая, как все копы.

Подобрав сломанный каблук, Коломба выскочила из номера. Позже она выбросила туфли из машины в первую попавшуюся мусорку и поехала домой босиком. В следующие несколько дней они обменялись несколькими примирительными сообщениями, но преодолеть выросшую между ними стену им не удалось. У Коломбы и без того было полно забот с возвращением на службу, да и отношения с коллегами оставляли желать лучшего.

Она словно победила смертельную болезнь и ворвалась в жизнь близких, которые давно ее оплакали и смирились с потерей. Когда ей становилось одиноко, а это случалось нередко, она подумывала позвонить Данте или даже заявиться к нему в отель, но так и не решилась – слишком боялась, что

он ее не поймет. Так пролетело несколько месяцев, и раны
загноились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.